

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 41 ОКТЯБРЬ 1976

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

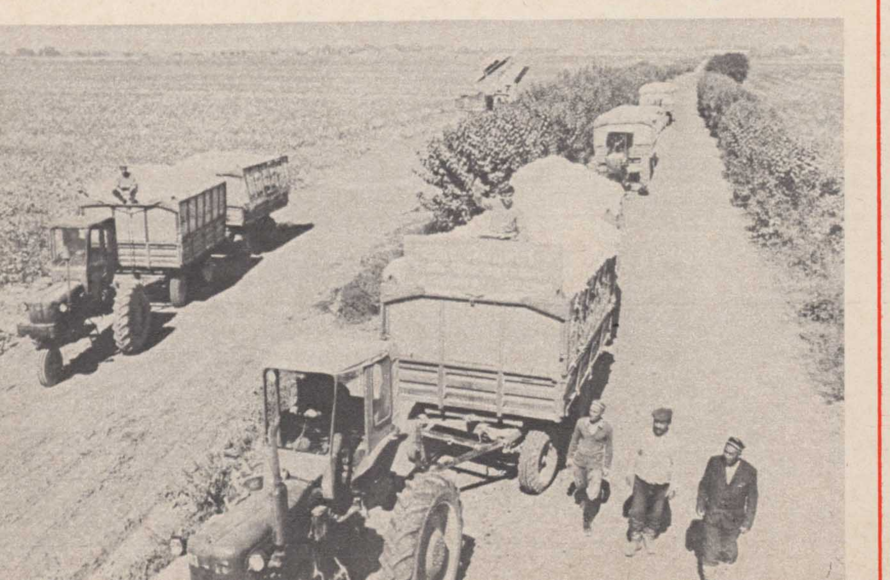
№ 41 (2570)

9 ОКТЯБРЯ 1976

По морю белопенному...

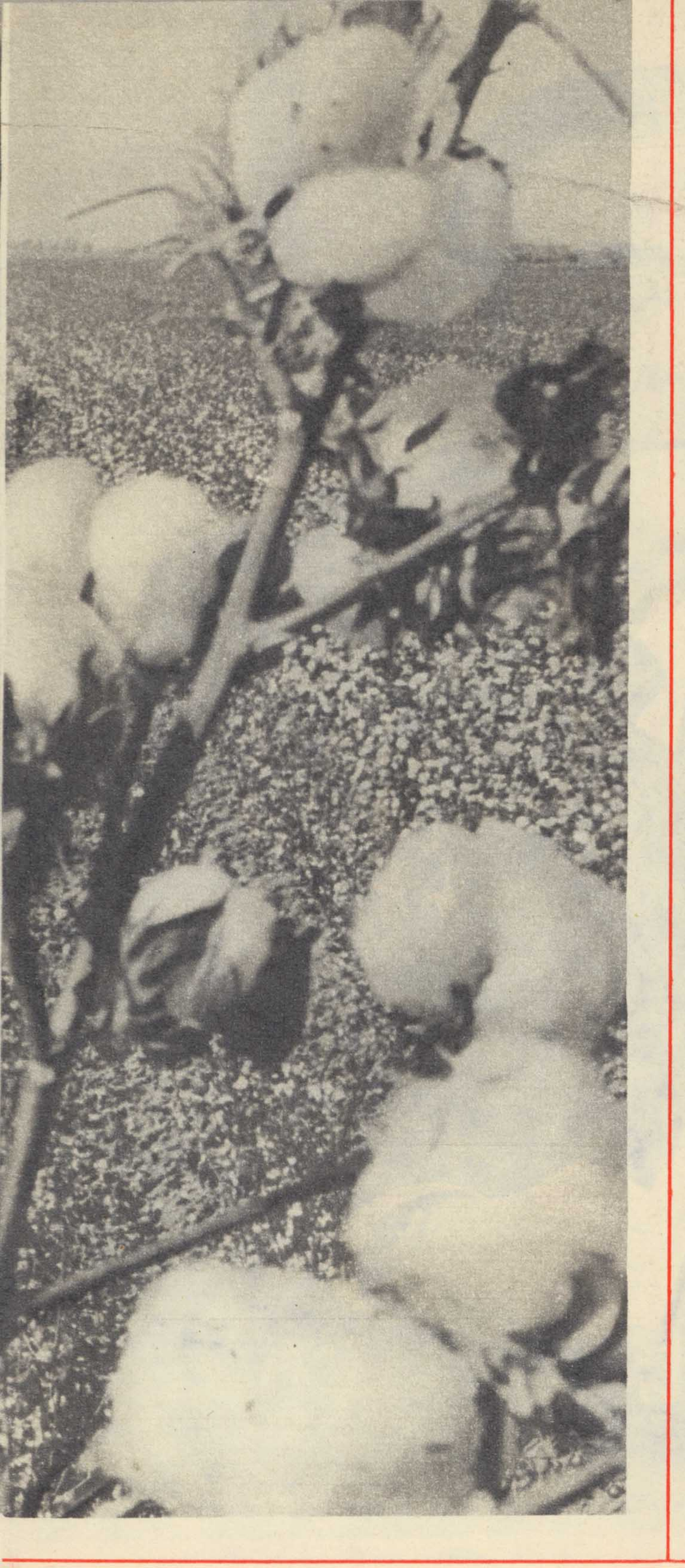
БЕЛОЕ ПОЛО

Пошли первые обозы.

Молодые механизаторы Бадамгуль Нарчаева и Шарипа Исраилова.

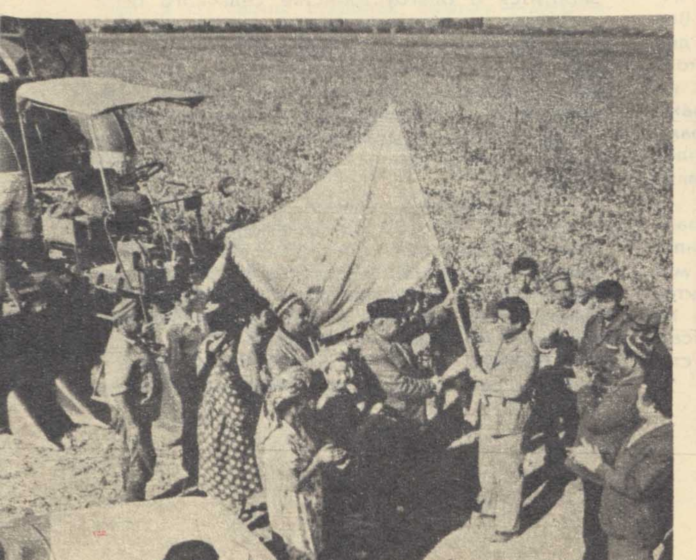

Герой Социалистического Труда Саид Ибрагимов.

ВОДЬЕ УЗБЕКИСТАНА

Награда вручается победителям прямо в поле.

10 ОКТЯБРЯ

ВСЕСОЮЗНЫЙ ДЕНЬ РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В. КОСТЫРЯ

Фото В. СВАРИЧЕВСКОГО, специальные корреспонденты «Огонька»

О такой замечательной осени можно только мечтать: тополя и тутовник еще по-летнему зелены, побуревшие сухолистые кусты хлопчатника утопают в белопенном разливе — от горизонта до горизонта.

— Космонавтам, пролетающим над Узбекистаном, может показаться, что у нас выпал обильный снег,— весело говорит первый секретарь Букинского райкома партии Тухтамурад Исламович Исламов.— Все хозяйства взяли курс на завершение уборки до непогоды. Отвечая делом на речь Леонида Ильича Брежнева в Алма-Ате, хлопкоробы решили дать на круг по тридцать два центнера белого золота вместо плановых двадцати семи, а, например, колхоз «40 лет Октября» — целых полсотни! Из этого сложатся семьдесят тысяч тонн хлоп-

ка-сырца по новому, повышенному социалистическому обязательству — наш вклад в узбекистанские пять миллионов триста тысяч тонн.

...Обходя поле, Саид Ибрагимов обнаружил раскрывшиеся коробочки — по две-три на кусте. Об этом дне Саид думал еще во время посева, торопился получить всходы по естественной влаге, забывал об отдыхе во время поливов и на культивации. Теперь надо немедленно начинать дефолиацию — сбивать ядом листья, иначе не получишь ранние, самые дорогие килограммы хлопчатника. Да и машины на уборке не дадут полного эффекта. Допустить же такое ему, Герою Социалистического Труда, никак нельзя! Саид с тревогой вглядывается: не идет ли трактор с аппаратом?

Не выдержав, Саид выбежал на дорогу, и тут к нему подъехал председатель на вездеходе, а в дальнем конце поля успокоительно зарокотал трактор.

— Зачем паника, Саид-жан?— сразу понял бригадира Юнус Туляганович Туляганов.

Саид помнит, с чего начинал председательствовать в их колхозе «40 лет Октября» бывший учитель Юнус Туляганов — с двенадцати центнеров хлопка-сырца на гектаре. Это было в 1961 году. Теперь уже можно в полной мере оценить нынешние пятьдесят центнеров на круг. Теперь каждый клочок земли на учете, и посевы хлопка расширились до тысячи гектаров, а на трехстах гектарах — еще и рис, ячмень, кукуруза, овощи, люцерна, суданка. Все это дает очень большой доход. Почти в два раза больше, чем у соседей. Государству колхоз продает мяса на сто тысяч рублей и на столько же молока. Надой с каждой фуражной коровы составляет пять тысяч килограммов в год. Так что растут артельные накопления, в конце нынешнего сезона они составят около трех миллионов рублей.

Вот откуда здесь тракторы и автогараж, нефтебаза и механическая мастерская, пилорама и крытое помещение для хранения минеральных удобрений. А в окружении фруктового сада и розариев — новая, четвертая по счету школа на восемьсот учащихся, детсад, Дворец культуры, стационарные полевые станы, гостиница. Строится новый поселок.

— Все это дало нам хлопководство, наше белое золото,— пояснил Туляганов.— Республиканский совет по культуре быта села, который возглавляет кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов, повседневно заботится о благоустройстве сельского быта.

Достав из кармана кителя газету с речью Л. И. Брежнева на партийно-хозяйственном активе в Казахстане, председатель прочитал вслух строки: «...подготовка — и главное — закрепление механизаторских кадров на селе — важный участок в деятельности партийных, советских, хозяйственных и профсоюзных организаций».

— Подготовка и, главное, закрепление,— повторил он.— В этом направлении мы и работаем. Организовали колхозные курсы трактористов и водителей хлопкоуборочных машин. Немалым событием в жизни вчерашних школьников были встречи с ветеранами колхоза, заслуженными механизаторами.

В бригаде одного из них, Элбая Ачилова, и собрали свои первые пять тонн хлопка выпуск-

Интервью Л. И. БРЕЖНЕВА французскому телевидению 5 октября 1976 года

СОВЕРШЕННО ОЧЕВИДНО, ЧТО РАЗРЯДКА НЕОБХОДИМА ВСЕМ СТРАНАМ, УЧАСТВУЮЩИМ В НОРМАЛЬНОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ОБЩЕНИИ. И ПОТОМУ НЕ БУДЕТ ПРЕУВЕЛИЧЕНИЕМ СКАЗАТЬ, ЧТО ОТНОШЕНИЕ К РАЗРЯДКЕ СЕГОДНЯ СЛУЖИТ ФАКТИЧЕСКИ КРИТЕРИЕМ ПОЛИТИКИ ТОГО ИЛИ ИНОГО ГОСУДАРСТВА, ОПРЕДЕЛЯЕТ ЛИЦО КАЖДОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ.

Л. И. БРЕЖНЕВ.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял в Кремле обозревателя телевизионной компании Франции ТФ-I Ива Мурузи и дал ему интервью.

На снимке: Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев дает интервью французскому телевидению.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

ницы курсов Бадамгуль Нарчаева и Шарипа Исраилова.

— Элбай-ака — мой дядя,— подчеркнула Бадамгуль.— Значит, стыдно трудиться не на «отлично».

Ее сосед по парте, Махмуд Дарапов, соревнуется со своим старшим братом — механиком-водителем Хамидом, взявшим обязательство собрать двести пятьдесят тонн. Другой его брат, Сабит,— главный инженер колхоза, третий брат, Абид,— механик-ремонтник. Так что в случае чего оправданий не сыскать! И трудится Махмуд с огромным старанием.

В букинском штабе урожая склонились над сводками руководители соревнующихся хозяйств: выясняют, кому достанется переходящее Красное знамя.

— Вчера сдали около пяти процентов к районному плану. Есть возможность добавить еще больше,— подвел итог первый секретарь райкома партии Тухтамурад Исламович Исламов.— Люди у нас золотые, техника на полном ходу, а хлопка — море!

РАЗОРУЖЕНИЕ— НЕОТЛОЖНАЯ ЗАДАЧА

Юрий КОРНИЛОВ

На весь мир прозвучало с высокой трибуны XXV съезда КПСС: наша партия полна решимости и впредь неустанно бороться за прочный мир, за устранение опасности возникновения новой мировой войны. Одним из главных направлений внешнеполитической деятельности КПСС и Советского государства остается линия на прекращение гонки вооружений и разоружение. «Сегодня эта задача стоит острее, чем когда-либо,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК съезду.— Человечество устало жить, сидя на горах оружия, а подхлестываемая агрессивными кругами империализма гонка вооружений нарастает».

Гонка вооружений, принявшая небывалые масштабы, представляет серьезную угрозу для достижений многовековой цивилизации, поглощает огромную долю материальных и интеллектуальных ресурсов человечества. Сегодня, по данным ООН, на вооружение затрачивается во всем мире ежегодно около 300 миллиардов долларов, то есть миллион долларов каждые две минуты. По свидетельству ученых, производство орудий смерти и разрушения отняло за послевоенные годы 6 000 000 000 000 (шесть триллионов!) долларов, что примерно равно объему валового национального продукта всех стран мира, вместе взятых, в 1976 году. На гонку вооружений расходуется сегодня в полтора раза больше средств, чем на образование, в три с половиной раза больше, чем на здравоохранение. Нет нужды говорить о том, что без прекращения этой гонки невозможно устранить искусственные препятствия на пути международного сотрудничества, придать необратимый характер тем позитивным процессам оздоровления международного климата, которые так горячо приветствуют народы.

«Разоружение есть идеал социализма» — эти слова В. И. Ленина, сказанные шесть десятков лет назад, в 1916 году, с особой силой звучат сегодня, когда Советский Союз, верный ленинской политике мира, выступает в авангарде борьбы за разоружение, вновь и вновь подтверждая, что он готов договариваться о самых радикальных мерах разоружения — вплоть до всеобщего и полного. Каковы же в современных условиях те главные, стержневые направления, по которым должны идти государства во имя упрочения мира? На этот кардинальный вопрос современной международной жизни советская дипломатия отвечает четко и ясно. Необходимо заключить Всемирный договор о неприменении силы в международных отношениях. Необходимо прекратить гонку ядерных вооружений, взять твердый курс на сокращение и последующую ликвидацию ядерного оружия, запретить испытания такого оружия и укрепить режим его нераспространения, запретить и уничтожить химическое оружие, запретить создание новых видов и систем оружия массового уничтожения, сократить вооруженные силы государств и их военные бюджеты, осуществить меры по созданию зон мира в различных районах планеты, обеспечить созыв Всемирной конференции по разоружению. Именно эту широкую целенаправленную и принципиальную программу представил министр иностранных дел СССР А. А. Громыко на рассмотрение проходящей сейчас в Нью-Йорке XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Миллионы людей доброй воли — жителей разных стран отчетливо осознают, что их кровные интересы требуют активной поддержки инициатив и акций, направленных на упрочение мира и безопасности. Свидетельство тому — не только активная поддержка, оказанная повсюду новым советским предложениям по вопросам прекращения гонки вооружений. Свидетельство тому — и широкий резонанс, который вызвала в разных странах состоявшаяся в конце сентября в Хельсинки Всемирная конференция за прекращение гонки вооружений, за разоружение и разрядку, в которой приняли участие посланцы общественности более 90 стран и 50 международных организаций. О твердой решимости народов закрепить и углубить разрядку со всей убедительностью говорит и тот факт, что миллионы людей во всех уголках земли подписали новое Стокгольмское воззвание, в котором подчеркивается, что гонка вооружений выгодна только силам агрессии.

Сказанное, разумеется, не означает, что недруги разрядки уже сложили оружие. Да, империализм лишился ныне возможности безнаказанно распоряжаться судьбами народов, но его агрессивная природа не изменилась, наиболее оголтелые силы милитаризма и агрессии по-прежнему стремятся повернуть вспять позитивный процесс мирового развития. Правящие круги США да и некоторых других западных стран — членов НАТО на словах ратуют за ослабление напряженности, а на деле их позиция отнюдь не содействует решению назревших проблем разоружения. Как, например, совместить с утверждениями Вашингтона о его «приверженности делу разрядки» тот факт, что законопроект о новом военном бюджете, подписанный на днях президентом США Дж. Фордом, предоставляет Пентагону почти 113 миллиардов долларов — рекордную сумму во всей истории страны? Решению вопросов разоружения препятствуют и те, кто цинично проповедует, будто будущее человечества легче всего построить на радиоактивных развалинах, кто ради узких, чуждых интересам народов целей своей великодержавной политики готов подвергнуть в новой мировой войне массовому уничтожению и собственный народ.

Но соотношение сил в международной политике складывается ныне не в пользу противников разрядки. Нет и не может быть сомнений, что существует реальная возможность преодолеть противодействие противников гонки вооружений. Долг всех государств — проявить должную ответственность за укрепление мира, высокое сознание исторической необходимости умножить усилия для решения самой крупной по масштабу и самой важной по значению проблемы современных межгосударственных отношений — проблемы прекращения гонки вооружений и разоружения. Что касается Советского Союза, он преисполнен решимости и впредь делать все, чтобы защитить и укрепить мир.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

МОЛОДОЕ СЛОВО

Е. АНТОШКИН, В. СЛАВИН,
специальные корреспонденты «Огонька»
Фото В. СВАРИЧЕВСКОГО

Целую неделю в Ташкенте, Гулистане, Самарканде, на заводах и в совхозах республики проходила встреча молодых писателей стран Азии и Африки.

Восемнадцать лет назад здесь же, в столице Советского Узбекистана, получила свое практическое воплощение идея писательского движения стран Азии и Африки и родился окрыляющий и сплачивающий прогрессивные писательские силы «дух Ташкента». И присутствовавшие на нынешней встрече ветераны двух континентов движения могли воочию убедиться, как популярны их идеалы и какое мощное молодое, «восемнадцатилетнее» пополнение из почти шестидесяти стран включилось в благородную борьбу.

— Мне уже двадцать,— белозубо улыбнувшись, не без солидности уточнил свой возраст поэт Зу Махараву Рацифандрихаманана с Мадагаскара.— В восемнадцать был избран членом Национального комитета по связям с писателями Азии и Африки, а в пятнадцать получил Первую премию поэзии в честь пятнадцатилетия Партии Конгресса независимости Мадагаскара.

— Что побудило вас к активной деятельности?

— Сама жизнь, общественная атмосфера страны. И, конечно, пример родителей, участников борьбы за освобождение. Мать моя, Кларисс Рацифандрихаманана, известная писательница и общественный деятель Малагасийской Республики, не раз бывала в вашей стране. Цикл стихов ее был опубликован в журнале «Огонек». А теперь приехал я. Как говорится, преемственность поколений.

— Чем полезна лично для вас ташкентская встреча?

— Прибавляется сил, уверенности. Очень символично, что встреча эта началась еще в Москве, в городе, о котором мне много рассказывала мать. Там в гостинице «Юность» я впервые увиделся с товарищами по борьбе из разных стран, подружился с писателем и публицистом Пахладом Рамсараном из Маврикия, поэтессой Банирой Гири из Непала.

...И вот снова, как 18 лет назад,— переполненный зрительный зал Ташкентского театра имени Алишера Навои. На торжественном открытии встречи молодых писателей стран Азии и Африки присутствует кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов.

Встречу открывает ветеран писательского движения двух континентов, председатель Советского комитета по связям с писателями стран Азии и Африки Камиль Яшен.

— Я не сомневаюсь в том,— сказал он,— что собравшиеся в Ташкенте мои младшие собратья по перу будут обсуждать вместе с профессиональными проблемами и проблему борьбы за мир на нашей планете, за счастливую жизнь для всех, кто живет и кому еще предстоит появиться на свет... Творческая интеллигенция Азии и Африки, писатели и поэты, представляющие древние и молодые литературы двух континентов, играют большую роль в борьбе за национальное освобождение. В Алжире и Вьетнаме, в Анголе и Лаосе они сражались пером и штыком, как подлинные солдаты свободы.

В перерыве между пленарными заседаниями мы встретились с одним из солдат свободы — вьетнамским прозаиком Нгуен Киеном, автором романа «С переднего края», рассказов «Несобранный урожай», «Дальние края»; в годы войны он был бойцом вооруженного отряда пропаганды. Ныне он заместитель директора книжного издательства.

— Советский народ помог нам изгнать интервентов с родной земли, не только оказав нам большую материальную помощь, но и высоким примером духовной непоколебимости, запечатленным в таких книгах, как «Железный поток» Серафимовича, «Как закалялась сталь» Николая Островского,— сказал Нгуен Киен.— Эти книги и многие другие были переведены на вьетнамский язык нашими лучшими писателями старшего поколения. Сейчас, после воссоединения страны в единое целое, когда мы приступили к строительству социализма, с особым интересом читается «Поднятая целина» Михаила Шолохова.

— Что дало вам участие во встрече в Ташкенте?

— Одно пребывание здесь многого стоит. Беседы и выступления будят мысль, помогают додумать то, что в одиночку, за письменным столом, кажется проблемным. В частности, пути психологического и социального анализа в художественном творчестве... И, главное, перед глазами сам положительный пример: в нынешнем, индустриально развитом, цветущем Узбекистане я увидел прообраз будущего Вьетнама. Много мне дали беседы с узбекскими писателями, директором издательства Хамидом Гулямом, поэтом Рамзом Бабаджаном. Мы стали друзьями.

Подружился я и с алтайским поэтом Бронтоем Бедюровым. Меня очень заинтересовала судьба его небольшого по численности, но стойкого народа, которому социализм дал настоящую жизнь, помог сохранить и развить самобытную культуру. Такие примеры вселяют надежду в сердца участников ташкентской встречи, знающих на личном опыте, что такое империализм...

Писательница и университетский преподаватель литературы Ама Ата Айду из Ганы охарактеризовала империализм, «старого знакомого» ее народа, с прокурорской определенностью:

— Я с детства знаю этого беспощадного убийцу в костюме джентльмена. Вламываясь в чужую страну, он питается ее соками, навязывая народу свой язык, свои хищнические привычки, свое представление о красоте, одурманивая подлой мыслью о якобы своем расовом превосходстве. Духовная же ничтожность его особенно наглядно видна на положении женщин даже в тех, «родных» его странах, откуда он совершает свои грабительские набеги.

— В чем главное ваше впечатление от форума?

— Массовость движения! Молодые писатели — в авангарде борьбы своих народов. В Ташкенте я наконец-то встретилась со своим давним другом из Южно-Африканской Республики поэтом Киорапетсе Коситсиле, автором сборников «Раскованный дух», «Мое имя — Африка», познакомилась с его земляком, поэтом и художником Барри Фейнбергом... Вы видели его фотовыставку «Южная Африка — народы в цепях»?

Да, мы видели это документальное свидетельство произвола и жестокости расистов, истинных выкормышей империализма. Овчарки, спущенные с поводка на людей. Автомат против безоружных. Тюремные решетки, колючая проволока, дубинки в качестве аргументов «правоты». Но лица, лица южноафриканцев! Сквозь боль — решимость, сквозь слезы — гнев, сквозь вынужденное молчание — неистребимая вера в светлый день освобождения.

— Для того мы с Барри и покинули на какое-то время родную землю, чтоб громко говорить за тех, кому зажали рот, кого заставили замолчать навеки пулей...— сказал Киорапетсе Коситсиле.— Революционная ситуация зреет, и нет слов, чтобы выразить глубокую благодарность всем народам, и прежде всего советскому народу, за поддержку нашего дела. Ее еще раз на весь мир продемонстрировали форум в Ташкенте, многолюдные митинги солидарности с борьбой народов Африки против расизма и апартеида. Об этом мы обязательно расскажем южноафриканским читателям в своих новых стихах, статьях, выступлениях.

— Что бы вы хотели сказать в заключение?

— Сердечное спасибо редакции «Огонька» за издание наших стихов отдельной книжкой «Близятся перемены», приуроченной к встрече молодых писателей стран Азии и Африки.

Почетная миссия выпала молодым литераторам: словом своим звать людей к борьбе за светлое будущее, за мир на нашей земле. А печатное слово, как сказал один из участников встречи, сильнее любого оружия, потому что оно проникает всюду, оно воздействует на сердца людей.

ФОТО С ВЫСТАВКИ.

АЗИИ И АФРИКИ

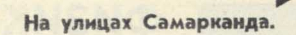
▲ Открытие встречи.

◀ Автограф на память. Слева направо: Банира Гири (Непал), Гулрухсор Сафиева (Таджикистан) и Айды Хаджиева (Узбекистан).

▶ На улицах Самарканда.

ДЬЯВОЛЬСКИЙ АЛЬЯНС

Непрекращающаяся вот уже 17 месяцев гражданская война в Ливане принесла много страданий и разрушений этой небольшой стране, жемчужине Ближнего Востока. С каждым днем все более очевидным становится, кто является подстрекателем, тайным участником кровавых событий в Ливане. «Священный союз» сионистов и ливанской реакции направлен против левых сил этой страны и палестинцев, проживающих в Ливане. В огне братоубийственной войны Тель-Авив хотел бы задушить Палестинское движение сопротивления, посеять рознь между различными арабскими странами, сорвать планы ближневосточного урегулирования. Факты говорят о том, что Израиль тайно поддерживает правохристианские группировки в Ливане. Согласно сообщению американского журнала «Тайм», министр обороны Израиля Шимон Перес неоднократно встречался с правохристианскими руководителями и вел с ними переговоры о помощи и координации усилий, направленных против союза левых сил Ливана и Палестинского движения сопротивления. Эти встречи проходили в ливанском городе Джуния, контролируемом правыми, на территории страны, с которой Израиль не поддерживает дипломатических отношений. Во время третьей поездки вместе с Пересом на ливанской территории побывал не кто иной, как сам премьер-министр Израиля Ицхак Рабин.

Результаты тайных переговоров не заставили себя долго ждать. Как сообщило израильское телевидение, патрульные катера военно-морских сил Израиля останавливают суда и конфискуют оружие, посылаемое левым и палестинским силам, участвующим в гражданской войне, а затем передают его правохристианским военным формированиям. В сообщении говорится, что израильский военно-морской флот блокировал «единственный путь», который имели палестинцы и левые силы для получения оружия.

Кроме того, согласно иностранным информационным агентствам, Израиль поставляет оружие правохристианским силам и обучает их войска на своей территории. Когда обучение будет закончено, эти войска пошлют в Ливан вместе с 38 танками «шерман» американского производства. В то же время израильские воинские части введены в ряд южноливанских селений. Таким образом, Тель-Авив осуществляет постепенную оккупацию южного Ливана.

Израильская военщина не гнушается и международным разбоем. Широкую волну возмущения вызвало пиратское нападение израильских военных катеров на кипрское пассажирское судно «Фенисия», шедшее из Сайды в Лимасол. На борту его находился направлявшийся в Египет лидер прогрессивной социалистической партии К. Джумблат. Израильские катера обстреляли «Фенисию» в 20 километрах от ливанского побережья.

Затягивание ливанского кризиса выгодно Израилю и его империалистическим покровителям по многим причинам. Ведь с прекращением кровопролития в Ливане все внимание будет вновь приковано к Израилю, как истинному виновнику напряженности на Ближнем Востоке, агрессору и оккупанту. Кроме того, события в Ливане дают возможность Израилю еще больше наращивать свой военный потенциал. Начальник генерального штаба вооруженных сил Израиля Мордехай Гур заявил, что гражданская война в Ливане обеспечила Израилю передышку, дав возможность «больше сосредоточиться на приготовлениях к широкой войне».

В. ДУНАЕВ

Израильские патрульные катера курсируют вдоль ливанского побережья.

Фото из журнала «Тайм»

ФИЗИКИ УЧАТСЯ В ГАЛЛЕ

Около года назад в ГДР был создан международный центр электронной микроскопии. 160 рабочих недель провели здесь 17 ученых из различных социалистических стран. В апреле этого года прошли вторые в короткой истории существования этого центра десятидневные курсы повышения квалификации на тему «Электронно-микроскопическое прямое изображение поверхностей».

Более 40 ученых из Советского Союза, Польши, ЧССР, Венгрии, Болгарии, Румынии и ГДР на лекциях и семинарах изучали электронно-оптический метод изображения поверхностей и его применение в практических опытах на современных приборах.

Научные коллоквиумы, курсы повышения квалификации и рабочие поездки специалистов из социалистических стран в Галле — такова программа работы.

Научный центр в ГДР показывает, как благодаря согласованной на длительный срок специализации и кооперации в исследованиях ученые стран СЭВ решают важные народнохозяйственные проблемы.

На снимке: доктор Петер Барна, заведующий отделом Института технической физики Академии наук ВНР, член научного совета международного центра электронной микроскопии, за растровым электронным микроскопом.

Панорама ГДР

Одно из массовых выступлений африканского населения Соуэто.

Полицейские избивают участника демонстрации.

Вооруженные служащие фирмы «Лосон Моторс» из Иоганнесбурга готовятся для бандитского нападения на демонстрантов.

Фото ЮПИ — ТАСС.

РЕКОРД СНА

Новый «мировой рекорд» продолжительности гипнотического сна установлен в Ницце. Двести часов провела во сне по воле известного французского гипнотизера Ж. Нуге группа добровольцев. Предыдущий рекорд равнялся 168 часам и был установлен в марте прошлого года. Ж. Нуге заявил, что он проводил эксперимент не ради установления рекорда, а в научных целях. Он хотел доказать, что с помощью гипноза можно надолго усыплять больного, не прибегая к лекарственным средствам. После такого сна пациенты получили значительную нервную разрядку, поэтому гипнотизер считает возможным лечение этим методом различных психических заболеваний. Четыре врача-специалиста, неотлучно находившиеся около спящих, подтвердили после долгих наблюдений и обследований благотворное влияние столь продолжительного сна на организм.

Фото Кейстон — ТАСС

БОРЬБА НАРАСТАЕТ

Южноафриканский режим апартеида, отказывающий 18 миллионам африканцев, 2,4 миллиона цветных, 700 тысячам лиц азиатского происхождения в элементарных человеческих правах, подвергается все более решительному и мощному давлению со стороны угнетенного большинства, требующего положить конец бесчеловечной практике расового угнетения, предоставления им права управлять своей страной. Власти ЮАР, пытаясь приостановить массовые выступления против режима апартеида, проводят в стране повальные аресты. С 16 июня, когда в африканском пригороде Иоганнесбурга Соуэто вспыхнули демонстрации протеста, в тюремные застенки было брошено 5,2 тысячи человек. Эти впервые публикуемые данные приводит в своем докладе Христианский институт — влиятельная общественная организация ЮАР. Расистский военно-полицейский аппарат насилия, оказавшийся не в состоянии своими силами справиться с волной народного возмущения, привлекает к себе на подмогу вооруженные банды, сколачиваемые из числа ярых сторонников апартеида. Рука об руку с полицией каратели-«добровольцы» хладнокровно убивают безоружных демонстрантов на улице.

БУКВЫ И ИЕРОГЛИФЫ

Иностранцы, попадающие в Пхеньян, бывают сильно удивлены, когда узнают, что замысловатые значки на вывесках и плакатах не восточные иероглифы, а обыкновенные буквы. В современной корейской письменности, пришедшей на смену старому, иероглифическому письму, всего 40 знаков. Из букв, стоящих рядом или друг над другом, образуются слоги, которые непосвященный и принимает за иероглифы.

Эту систему передовые мыслители Кореи изобрели еще несколько столетий назад. Но во времена императоров и в годы колониального господства, когда корейский язык был практически запрещен, а преподавание в школах велось на японском, она не могла облегчить доступ к знаниям миллионов простых людей. Только после освобождения, с 1949 года, буквенное письмо получило распространение в Корейской Народно-Демократической Республике. На его основе за короткий срок была ликвидирована неграмотность, создана широкая сеть школ, институтов, техникумов. Сейчас каждый юный гражданин КНДР получает обязательное 10-летнее бесплатное образование.

В Южной Корее существуют школы-шестилетки, но и их заканчивают не все: во многих семьях дети вынуждены помогать родителям.

Не удивительно, что в этих условиях лишь незначительная часть населения страны грамотна. В Южной Корее до сих пор применяется старая письменность — чтобы овладеть ею, надо знать три тысячи иероглифов.

А. БЕККЕР

Урок физики в одной из средних школ Ивона в КНДР.

Фото из еженедельника «Вохенпост».

ВЕРТИКАЛИ ЗАВОДА-ПАТРИАРХА

Сегодня у нас на обложке два подшипника — великан и карлик. Оба вышли из цехов 2-го Государственного ордена Трудового Красного Знамени подшипникового завода.

Все мы любуемся звездами Московского Кремля. Но мало кто знает, что и в них «работают» подшипники ГПЗ-2. Сцена старого здания МХАТа тоже на этих подшипниках, и первые станы Магнитки, и первые советские автомобили, и первые эскалаторы столичного метро. В 1941—1942 годах завод обеспечивал подшипниками оборону страны. А ведь во время войны свыше тысячи его рабочих сменили спецовки на шинели. Их места у станков заняли жены, сестры, братья-подростки.

Недавно этому московскому предприятию исполнилось 60 лет. Вроде бы и не преклонный возраст. Но ГПЗ-2 смело можно назвать патриархом отечественного подшипникового производства. Возникнув в 1916 году — вначале были небольшие мастерские,— к началу тридцатых годов завод настолько возмужал и окреп, что его коллектив готовил кадры — 1200 человек — для создававшегося тогда 1-го подшипникового.

О нынешнем дне ГПЗ-2 мы попросили рассказать его директора Василия Ивановича Уткина.

— В минувшей пятилетке объем нашего производства увеличился более чем на пятьдесят процентов. Немалую роль здесь сыграло то обстоятельство, что за последние годы завод надежно переоснастился. У нас появилось большое количество станков-автоматов и полуавтоматов. Переоснащение во многом проводилось собственными силами. Наши специалисты спроектировали и изготовили автоматы для контроля деталей, автоматические линии для их травления, консервации, покрытия серебром, оловянисто-свинцовыми сплавами. Были построены механизированные склады. В последние годы появился у нас хороший помощник: в Медведкове построен филиал завода — специализированное предприятие по производству деталей подшипников.

Есть у нас и интересные новинки. Пример? Да вот хоть бы такой. Не так давно, лет пять тому назад, завод освоил высокоточные подшипники для точного станкостроения. В этом году наши цеха дают уже значительную часть отечественного производства таких подшипников. А раньше их у нас вообще не изготовляли: покупали в ФРГ, Швеции, Японии. Когда мы взялись их осваивать, были сомнения: получится ли? Дело в том, что обычно подшипниковые производства располагаются по горизонтали — в одноэтажных корпусах, а наш завод — по вертикали: здания многоэтажные. Это дает повышенную вибрацию. Но не повредит ли она? Первые такие подшипники, сделанные для Московского завода координатно-расточных станков, тамошние лекальщики доводили сами. А когда производство наладилось, сравнили нашу продукцию с аналогичной японской. Результат испытаний был таков: от японских подшипников отказались.

Есть у нас и другие новшества, есть, конечно, и всякие замыслы. Но о замыслах, вероятно, лучше говорить потом, когда удастся воплотить их в жизнь...

Ныне продукцию ГПЗ-2 знают и ценят не только у нас в стране, но и в 70 зарубежных государствах, а среди них—Англия, Франция, ФРГ. Буквально все отрасли нашего народного хозяйства и промышленности используют подшипники, изготовленные заводом. Они надежно работают на земле, под водой и в воздухе. Вот каковы теперь вертикали второго подшипникового.

Н. ВЕРИНА

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ

Б. ЩЕРБАКОВ, член-корреспондент Академии художеств СССР

Не так давно в московском Доме ученых экспонировались работы Наталии Петровны Навашиной-Крандиевской. Персональная выставка — большое событие для художника. Она подводит определенные творческие итоги. Чувство ответственности за жизнь, прожитую в искусстве, в такие моменты необычайно обостряется. Все взвешивается на весах: и годы поисков, и месяцы, даже дни творческих удач.

Вот уже более двадцати лет зрители постоянно встречаются с произведениями Наталии Петровны на разных выставках. Начало этому знакомству положила ставшая знаменитой картина «Выступление В. И. Ленина на III съезде комсомола», в работе над которой она, тогда совсем молодой художник, принимала участие под руководством Б. Иогансона. Затем появлялись главным образом портреты, привлекавшие живостью выражения, стремлением раскрыть духовный мир человека.

Не каждый живописец выдерживает испытание персональных выставок. Наталия Петровна прошла его с честью. Десятки произведений, неизвестных ранее широкой публике, обогатили представление о ее творчестве, увеличили ряды поклонников ее искусства. Это лирические пейзажи, натюрморты и, конечно, портреты известных ученых, писателей, артистов.

Но не только ярким созвездием знаменитостей привлекает созданная Навашиной-Крандиевской обширная портретная галерея. Я невольно остановился перед изображением пожилой женщины: в картине столько сказано о человеке, его жизни, о постоянных заботах, что показалось, будто я соприкоснулся с неведомой мне человеческой судьбой. В таком исчезновении преград между произведением и зрителем, когда из не замечаемых в момент общения с искусством мазков и штрихов складывается цельное представление о жизни и мысль художника уводит вас в свой мир, заключается одно из самых больших достоинств всякого художественного произведения.

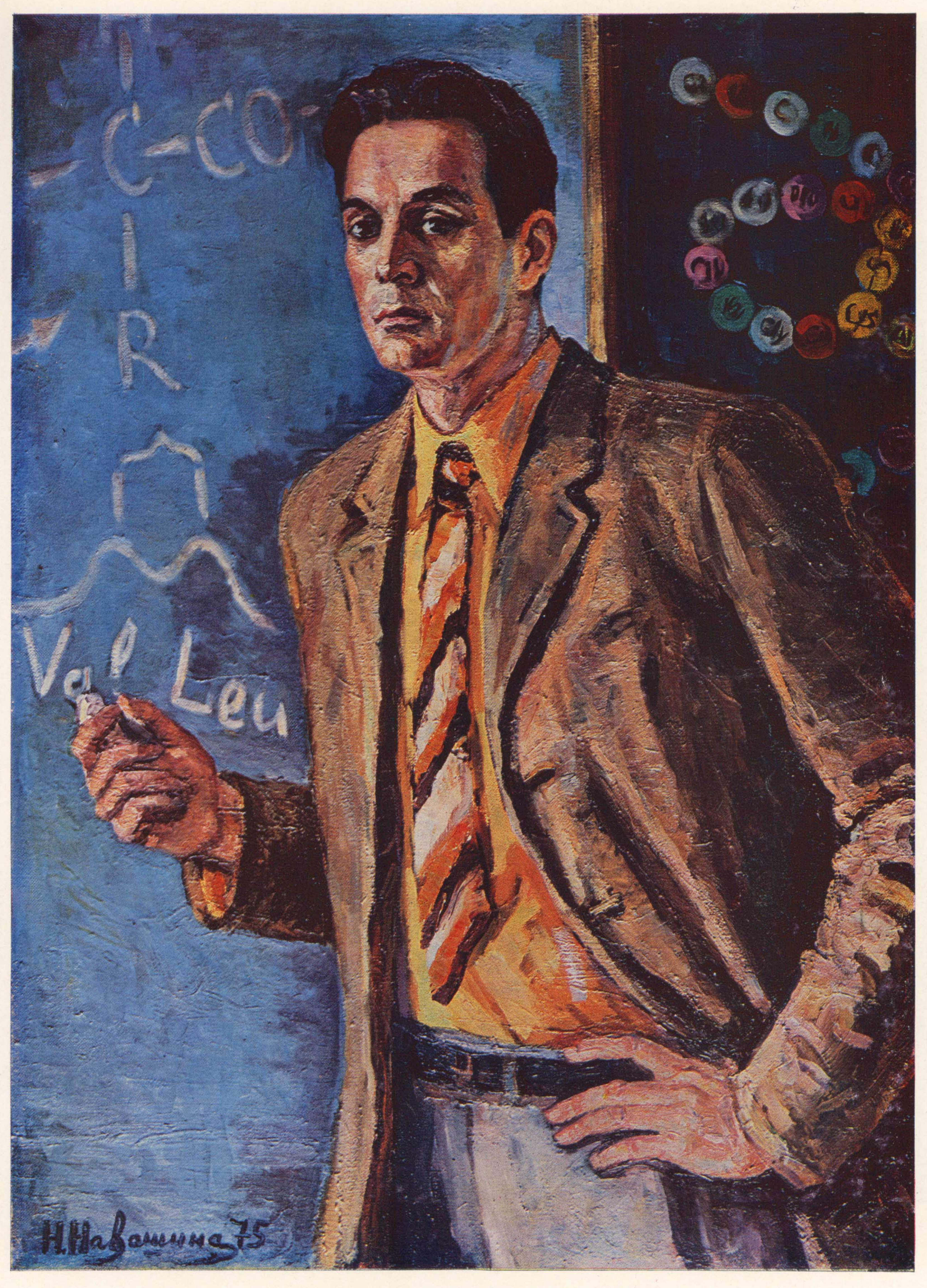
Для портретного творчества Наталии Петровны характерна способность сочетать внешнее сходство с выражением состояния человеческой души, характера. Этим отличаются сложные по композиции портреты члена-корреспондента Академии наук СССР Г. К. Скрябина и художника кукол Е. Т. Беклашовой, президента Академии художеств СССР Н. В. Томского и вице-президента Академии наук СССР Ю. А. Овчинникова.

Если окинуть взглядом все, что показала Наталия Петровна на выставке, можно прийти к выводу: это художник светлый и радостный. О том свидетельствуют ее многочисленные произведения.

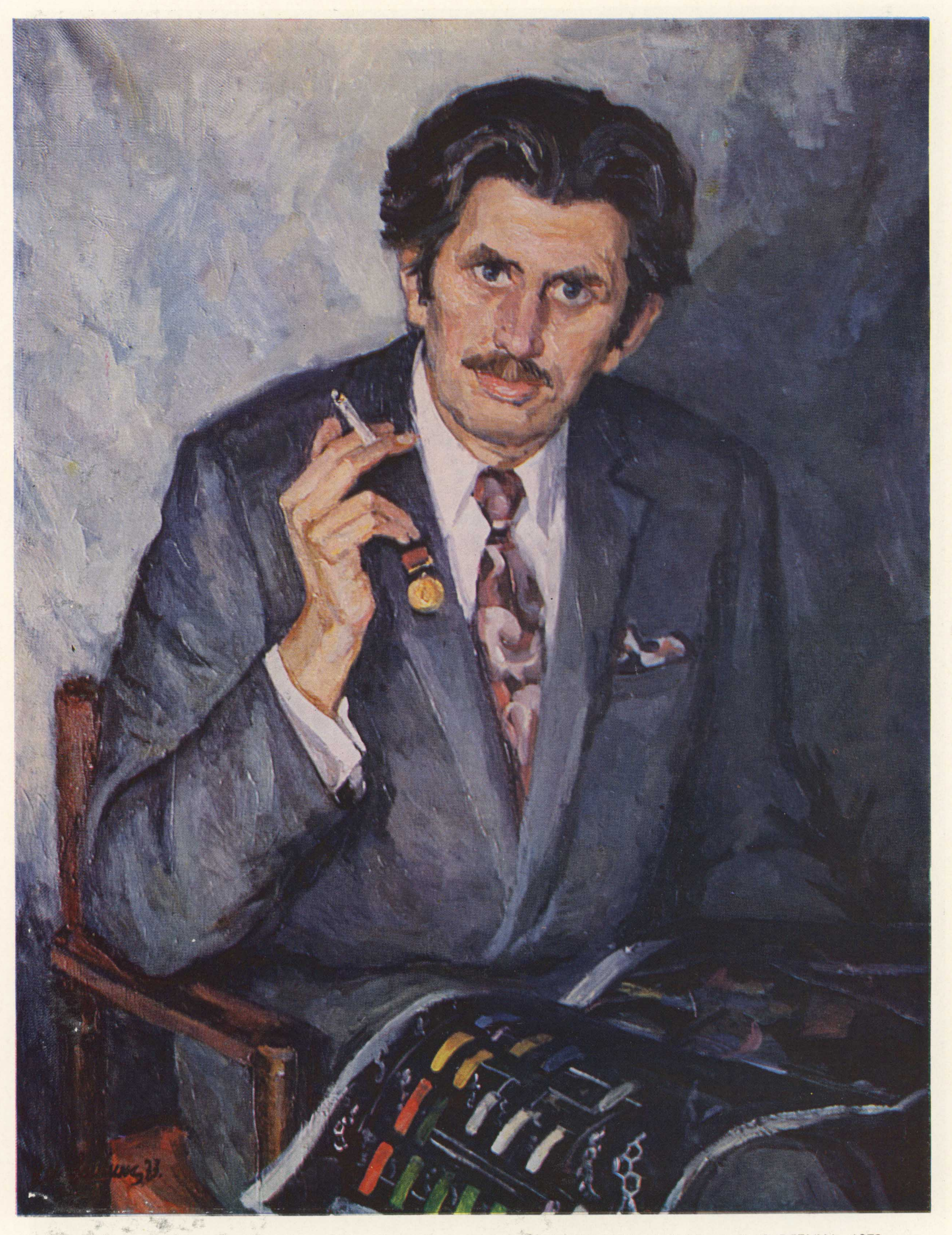
Одной из самых главных черт истинного художника является стремление к совершенству. Хочется пожелать Наталии Петровне успехов в трудном, тернистом пути, ведущем к вершинам.

Сейчас на мольберте художника стоит большой холст, на нем изображены два великих сына человечества: Дарвин и Тимирязев. Их встреча произошла около ста лет назад. Возможно, это полотно станет тем самым лучшим, еще не написанным, с мечтой о котором живет каждый живописец.

Наталия Петровна является представительницей талантливой семьи художников, оставившей заметный след в нашем искусстве. Дочь замечательного скульптора Н. Крандиевской, сестра безвременно ушедшего от нас мастера А. Файдыш-Крандиевского, создателя монумента в честь освоения космоса, Навашина-Крандиевская вносит яркий, красочный аккорд в этот семейный триумвират художников, в строгое пластическое искусство, берет на себя ответственность за продолжение славных традиций служения правде и красоте.

Н. Навашина-Крандиевская. Род. 1923. ПОРТРЕТ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА АКАДЕМИИ НАУК СССР АКАДЕМИКА Ю. А. ОВЧИННИКОВА. 1975.

Н. Навашина-Крандиевская. ПОРТРЕТ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АКАДЕМИИ НАУК СССР Г. К. СКРЯБИНА. 1973.

Здравствуйте, сосны!

Николай ФЛЁРОВ

●

Расшумелся лес, не остановишь.
Сосны стонут, стынут и скрипят.
Точно с древних брошенных становищ
Ветры неумолчные летят.

Будто чрез века и километры,
Сотен тысяч лет пройдя заслон,
От всего живого только ветры
И остались людям с тех времен.

И бегут-стучат за веткой ветка,
Словно сосны рвутся из земли.
В дикой свистопляске вижу предка
Где-то там, в немыслимой дали.

Как он жил? Какие вынес муки?
Как, еще не знающий огня,
Сыну согревал дыханьем руки,
Чтоб когда-то принял мир меня?

Как, еще ни идолу, ни богу
Не вверяя жизни и судьбы,
Выходил на верную дорогу,
Не сдавался в страшный час борьбы?

И во имя призрачного завтра,
Но о нем не зная ничего,
Шел он на потомков бронтозавра,
Криком предвещая торжество.

Славлю предка, кто в истоках века,
Вырвавшись на свет, как из оков,
Первым принял имя Человека
И не посрамил в гряде веков.

Только мысль покоя не находит
И не позволяет быть добрей:
Сколько их еще доныне ходит,
В человечьем облике зверей?!

Вот откуда все на свете беды.
Но я славлю предка вновь и вновь:
От него у жителей планеты
Мужество, дерзание, любовь.

И во имя сказочного Завтра,
Устремляя выверенный бег,
Всяких современных бронтозавров,
Верю,
Одолеет
Человек!

●

Здравствуйте, сосны знакомого бора!
Веточки-руки вам мысленно жму.
Сколько у нас впереди разговора —
Я ли язык ваш лесной не пойму?

Вы мне расскажете, как вы тут жили,
Как одолели вас долгие сны,
Как в эту зиму под ветром тужили,
Но дождались и тепла и весны.

Я огляжу заболевшие ветки,
Освобожу, подвяжу, подлечу.
Время на вас оставляет отметки,
Но зеленеют вокруг малолетки,
Ввысь за «свечой» поднимая «свечу».

●

Предвесенние и розовые
Вечера
Светлей.
Отряхнула роща березовая
Вчера
Снег с ветвей.

Глянула, как на блесточки крошится
В небесах
Солнца шар,—
И от этого словно в рощице
Занялся
Пожар.

Где чернели оголенные,
Омертвелые
Дерева,—
Вспыхнули зеленые
Да белые
Цветы и листва.

Так вчера еще незаметная,
Нынче надолго
В вышине
Расцвела многоцветная
Радуга
По весне.

●

По тропке, меж заиндевелых сосен,
Под неумолчный буреломный гуд,
Что в этот день особенно несносен,
Охотники с собаками идут.

Давно ль звенела листьями аллея,
За зверем провожая в дальний путь?
А нынче, как из мрамора, белея,
Застыли сосны — ветру не согнуть.

Но ветер стих.
Тревожное светило
На горизонте меж холмистых грив
Как бы на миг один в снегах застыло,
Красоты леса разом озарив.

Ну что же, мы охотникам поверим,
Что радостнее даже встреч со зверем
Была их встреча с чудом в этот час:
Не лес, а сказочный зеленый терем,
Прозрачной снежной пеленой устелен,
Стоял,
В короне солнечной лучась.

СЧАСТЛИВАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

Пожалуй, не придумать лучшего названия, чем дано в небольшой книге очерков Анны Харитоновой: «Добрый след». Посвященная благородному хлеборобскому труду, передовым людям нынешнего села, она именно о них говорит доброе и непредвзятое слово, чрезвычайно точно характеризующее, на мой взгляд, самого автора и как журналиста и как человека — энергичного, неуемного, неравнодушного к жизни.

Все герои Анны Харитоновой, увиденные ею в самой гуще жизни, не голословно восхваляются: они поддержаны автором в их самой главной — трудовой, нравственной сущности, я бы сказала, они благодарно, сердечно воспеты, да простится мне это выспреннее слово, более всего отвечающее, однако, скрытому пафосу очерков А. Харитоновой.

С кем только не повстречается каждый настоящий, работающий по призванию журналист за свою нескончаемую «командировочную» жизнь, где только не побывает... И особенно это относится к отряду журналистов, делающих газету «Сельская жизнь»: все их поездки непременно бывают связаны с самой глубокой «глубинкой», с самыми насущными заботами людей деревни. Мне кажется, что Анна Харитонова не просто «удачлива» на добрые встречи: она умеет безошибочно найти героев, подлинных тружеников, великих и бескорыстных людей сегодняшнего села. Все они запоминаются, знакомство с ними обогащает. И, мне кажется, лучшей рекомендацией этой хорошей, нужной книжки очерков служит великолепное предисловие крупнейшего писателя Советской Белоруссии, Героя Социалистического Труда Петруся Бровки, который знает свою землячку Анну Лукиничну Харитонову с самого детства, с тех пор, когда была она воспитанницей детского дома, а потом швеей, фабричной работницей в Минске... Думается, не столько университетское образование, полученное ею в МГУ, сколько этот нелегкий жизненный опыт, не отнявший у человека ни доброты, ни сердечного тепла, и определяет убежденность, напористую публицистическую силу книги «Добрый след». Это поистине счастливая журналистика.

Н. ПАВЛОВА

А. Харитонова. Добрый след. М., Политиздат, 1976, 144 стр.

О. С. Адрианов. Фото И. Тункеля.

КАРТА МОЗГА

НАУКА — ПРОТИВ ТОРЖЕСТВА ИНСТИНКТОВ АГРЕССИИ. ● НЕТ НЕПОЛНОЦЕННЫХ РАС И НАРОДОВ ● ПУТЬ К ВЛАСТИ НАД ЭМОЦИЯМИ. ● МОГ ЛИ МАУГЛИ СТАТЬ ЧЕЛОВЕКОМ?

То волнение, с которым я входила в кирпичный особнячок в переулке Обуха, чтобы побеседовать с директором Института мозга, членом-корреспондентом АМН СССР Олегом Сергеевичем Адриановым, вполне понятно. Ведь сегодня изучение святая святых человека — его мозга — вызывает жгучий интерес людей самых разных специальностей. И это связано не только с тем, что в его исследовании кроются ключи к лечению целого ряда болезней. Мозг определяет поведение человека, его мысли. Он стал, если можно так сказать, ареной политической борьбы.

«Случай помогает подготовленному уму»,— заметил Луи Пастер. А великий Павлов писал, что все его труды — плод непрерывного многолетнего «думания».

Человеческий мозг создал все: современную цивилизацию, науку, культуру. И, родив все это, сам стал объектом тщательного изучения.

Долгое время Институтом мозга Академии медицинских наук руководил Семен Александрович Саркисов, ученый, известный своими яркими работами по неврологии. Олег Сергеевич — его ученик. Он прошел в институте творческий путь — от аспиранта до директора. От своих учителей: невролога С. А. Саркисова, морфолога Е. П. Кононовой и физиолога Н. Ф. Попова — он унаследовал широту и глубину подхода к изучаемому явлению. И сейчас исследовательские интересы ученого лежат на стыке этих наук. А такой широкий комплексный подход особенно важен при изучении столь сложного объекта, каким является человеческий мозг.

Директор Института мозга Академии медицинских наук СССР О. С. АДРИАНОВ отвечает на вопросы корреспондента «Огонька» Ванды БЕЛЕЦКОЙ

— Олег Сергеевич, вы в свое время были участником международного симпозиума ЮНЕСКО в Париже на тему «Мозг и поведение человека». Каким проблемам был посвящен ваш доклад?

— Я выступал тогда в одном из заседаний и рассматривал, как изучение мозга способствует сохранению мира на земле. А сегодня эта проблема стала еще актуальнее. На Конференции коммунистических и рабочих партий Европы в Берлине Леонид Ильич Брежнев говорил: «Нет и не будет пожарной команды, способной погасить огонь, если уж он действительно вспыхнет». А чтобы этого не случилось, чтобы не началась ядерная война, необходимо создать атмосферу доверия между людьми, между государствами.

Изучение мозга не стоит в стороне от этой столбовой дороги мира и взаимопонимания. Мало того, наука о мозге — небольшом, но чудесном органе, обеспечивающем нам полноту рационального восприятия действительности и основу разумного человеческого поведения,— является мощным инструментом воздействия на биологическую и социальную сферу человечества. Я бы сказал, что изучение мозга — своеобразный манифест борьбы за победу разума над слепыми инстинктами, мира — над разрушительными силами войны.

Мы, ученые, исследующие мозг, лучше других знаем его безграничные возможности, законы его работы. И добытые нами знания должны быть непосредственно использованы не только для науки — физиологии и медицины, но и для воспитания нормальных, основанных на взаимном уважении отношений между людьми. Такова была всегда позиция советских ученых. Ведь еще в 1935 году Павлов в своей речи на открытии XV Международного конгресса физиологов подчеркнул: «Мы работаем, очевидно, на рациональное окончательное объединение человечества... война по существу есть звериный способ решения жизненных трудностей, способ, недостойный человеческого ума с его неизмеримыми ресурсами».

— Но ведь именно на «звериный способ» решения жизненных трудностей, на «слепые инстинкты», таящиеся в человеке, делают ставку некоторые зарубежные философы и политики, ссылаясь на работы пятидесятилетней давности австрийского психолога Зигмунда Фрейда и его современных последователей. Они, правда, не учитывают того, что сам Фрейд — фигура достаточно трагическая и поучительная. Его собственная жизнь и использование его исследований явно показывают, что ждет ученого, не задумывающегося об общественных последствиях своих выводов. Располагает ли на сегодня наука о мозге данными, опровергающими подобные «теории»?

— Да, располагает. Но, увы, представления о ведущей роли агрессии в индивидуальном и социальном поведении людей живучи. К сожалению, при этом нередко механически переносятся на человека данные, полученные на животных, как это сделал недавно виднейший этолог лауреат Нобелевской премии Конрад Лоренц, говоря о так называемом инстинкте агрессии.

Разоблачение подобных представлений началось не сегодня. Напомню выступления советских и зарубежных ученых на международном симпозиуме, посвященном работе И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга». Он проходил в Москве еще тринадцать лет назад. Сеченову принадлежит приоритет в открытии процесса торможения в центральной нервной системе. Сеченов, а потом такие выдающиеся ученые мира, как И. П. Павлов, Н. Е. Введенский, Чарльз Шеррингтон, Л. А. Орбели, вскрыли роль торможения в деятельности мозга и значение этого процесса в координации работы нервных клеток.

По мере развития механизмы торможения становятся существенной прерогативой вышележащих отделов мозга, важнейшей функцией которых является торможение той слепой силы, что рождается в его нижних этажах. Причем чем более высоко развито существо, тем сильнее развиты у него процессы торможения. Наука накопила на протяжении многих лет, и особенно в последние годы, убедительные доказательства регуляции корой головного мозга тех глубоких структур, с деятельностью которых связывают эмоциональные и инстинктивные проявления поведения животных и человека. Эти эксперименты показывают несостоятельность теории слепых инстинктов, якобы мощно рвущихся наружу.

Например, в итоге многолетних исследований выдающийся ученый, академик АМН СССР Иван Николаевич Филимонов, работающий в нашем институте, создал стройное учение (оно получило широкое признание) о подразделении территории коры больших полушарий мозга на разные в генетическом отношении зоны. Существует новая кора, старая, древняя и, наконец, межуточная. Чем совершеннее высшая нервная деятельность животного, тем сильнее

у него развита новая кора. У ежа, например, она составляет только 32,4% всей территории коры, у собаки — 84,2%. У человека же она занимает 95,6% всей поверхности полушарий. Эти данные говорят о прогрессирующем развитии именно новой коры.

Современные эксперименты доказывают, что новая кора и прежде всего высшие ее отделы, особенно развитые у человека, регулируют и подавляют те виды деятельности, те инстинкты, что связаны с глубинными структурами мозга. А это значит, что нет научных предпосылок для торжества слепых сил в поведении людей, как оправдывающих агрессию и войны.

Я не буду оригинален, если скажу, что пропаганда теории слепых инстинктов, пропаганда агрессии, половой распущенности, насилия уже привела во многих странах и постоянно приводит к росту преступности, нарушению норм поведения. Это очень страшно: нравственные потери самые невосполнимые.

Вот почему ученые, изучающие мозг, не могут спокойно проходить мимо этих опасных явлений. Вот почему я считаю, что долг специалистов — энергично выступать в своих странах против предрассудков, касающихся природы человека, которые наносят большой вред делу укрепления мира и международного сотрудничества.

...Наглядной иллюстрацией к этим словам О. С. Адрианова являются работы институтского музея эволюции мозга. Музей возглавляет доктор медицинских наук В. П. Зворыкин. Здесь можно проследить развитие мозга у животных и человека. Мы видим, как усложнялся его внешний вид, и тут же, на срезах,— как происходило изменение его микроскопического строения. Музей не только важный раздел научной работы исследователей, но и мощное средство той самой пропаганды, о которой говорит директор института. В музее всегда людно, сюда приезжают физиологи, психологи, морфологи со всех концов нашей страны и из-за рубежа. Здесь проводят занятия философы, бывают инженеры, историки — люди, казалось бы, далекие от изучения мозга. В музее в переулке Обуха частые гости — рабочие с заводов и фабрик Москвы, экскурсанты из других городов. Я видела афиши с темами лекций: «Мозг и его работа», «Исследование мозга — школа атеизма», «Мозг и алкоголь», «Удар по расистским теориям».

— В свое время ряд ученых выдвигал предположение о превосходстве одних наций над другими, основываясь якобы на более совершенной организации их мозга. Как ни странно, но в последнее время кое-где началось оживление расистских теорий, и опять на «научной» основе. Расскажите, пожалуйста, о работах вашего института о вариабельности мозга, опровергающих подобные утверждения.

— Скажу сразу, что наши работы специально не преследовали цели разоблачения расистских теорий. Мы просто кропотливо изучали микроскопию мозга, его клеточное строение на серии срезов у различных животных и людей. И вот когда данные были систематизированы, то оказалось, что большие различия коры мозга отражают лишь особенности индивидуальной организации различных людей. Как не найти двух совсем одинаковых характеров, так и клеточное строение мозга у всех людей неодинаково. Однако это никак не может говорить в пользу каких-либо расовых признаков и национальных отличий, свидетельствующих о превосходстве мозга людей одной расы или национальности над другими. Все то, что некоторыми учеными ранее описывалось как расовые особенности, расовые признаки, оказалось лишь индивидуальными вариантами строения мозга человека. Их можно обнаружить у представителей любой расы, населяющих нашу планету. Это следует подчеркнуть, так как не только в прошлом, а кое-где и сегодня теория национальной исключительности возведена в ранг государственной политики.

— Изучение земного шара немыслимо без карт, географических и геологических, например. Мозг — тоже целый мир, и, вероятно, иметь его подробную карту — мечта естествоиспытателей?

Олег Сергеевич, почти 13 лет назад в «Огоньке» выступал ваш учитель Семен Александрович Саркисов. Он рассказывал о «географии» мозга, об извечных вопросах, волнующих ученых: где совершается та или иная функция головного мозга и как она осуществляется. Насколько изменилась за эти годы «географическая» карта мозга?

— География мозга — это, пожалуй, слишком популярное название для серьезной и трудной проблемы, которую ученые называют локализацией функций. Известно, например, что центр слуха и памяти находится в височной области мозга, зрения — в затылочной, осязания — в теменной. Новая кора, о которой я уже говорил, имеет также самое непосредственное отношение к интеллектуальной деятельности человека.

Если пользоваться предложенным вами названием, то замечу, что географическая карта мозга стала за эти годы более сложной, подробной и точной.

В последнее время мы в институте наметили пути сравнительного изучения на животных аналогов тех функций, которые составляют основу деятельности мозга человека и рассматривались до сих пор преимущественно с точки зрения его общественного развития. Из врачебной практики известно, что повреждение лобной области, наиболее совершенного отдела коры мозга, лишает больного возможности предвидеть ход событий и соответствующим образом строить свое поведение. Наши исследования, проводимые совместно с Л. Н. Молодкиной, работающей в МГУ, в лаборатории физиологии и генетики поведения, руководимой членом-корреспондентом АН СССР Л. В. Крушинским, показали, что аналогичные в принципе изменения возникают и у животных. Изучая у них механизмы нарушения этой способности, можно лучше понять с биологической точки зрения одно из важнейших проявлений сознательной деятельности человека — предвидение, творческий поиск...

— Это почти фантастика! Алексей Толстой писал, что «когда-нибудь наука найдет формулы окисления мозговой коры, измерит вольтаж, возникающий между извилинами мозга, и творческое состояние в виде кривых, график и химических формул будет изучаться студентами медицинского факультета». Неужели наука уже подошла к этому и на «географической» карте мозга появятся центры творчества, математических или музыкальных способностей?

— Однозначно на ваш вопрос не ответишь. С одной стороны, ученые подходят сейчас к таким, казалось бы, фантастичным пределам знания о мозге, а с другой — еще очень много таинственного скрывает наш «главный орган».

Творческое вдохновение Бетховена и Пушкина — это напряженная работа всего мозга, а не узко очерченного центра, ограниченной группы нервных клеток. Мало того, ученые все чаще приходят к выводу, что та или иная структура мозга, особенно тесно связанная с какой-либо функцией, может в то же время участвовать в реализации других функций. Не значит ли это, что теория локализации функций устарела? Нет, не значит, и я остановлюсь на этом чуть позже, а сейчас отвечу вам, что ученые выделили даже территории мозга, участвующие в процессах абстрактного мышления, образной памяти и музыкального слуха. Сошлюсь на такой интересный пример локализации функций.

Еще в прошлом веке ученым стало ясно, что функции правого и левого полушарий мозга разные. Центры речи расположены у основной массы людей (у правшей) в левом полушарии мозга. Причем если это полушарие повреждено, то человек лишается не только способности говорить, но и читать, писать, считать и так далее. Поэтому к левому полушарию относились с большим почтением, его называли главным, большим, а правое — малым и даже немым. Мозг человека мы изучаем в сравнении с мозгом животных, например, обезьян. Так вот у обезьян этого разделения пока не обнаружено. Судя по всему, не было его и у древнего человека, который правой и левой руками владел одинаково.

Но в последнее время многие ученые показали, что и правое полушарие отнюдь не глухо к речи и не немо. От него зависят умение ориентироваться в пространстве, целостность зрительного восприятия, образная память и, вероятно, музыкальные способности. Но мало того, если оно угнетено, люди становятся чрезмерно разговорчивыми. От него зависят и возможности различения интонации голосов. Если отключено правое полушарие, пациенты прекрасно воспринимают формальные сведения, но не могут делать никаких сопоставлений и оценок. Скажем, какой год и месяц сейчас, они знают, а, глядя в окно на природу, не скажут, лето сейчас или зима. Вот какие сложные функции выполняет правое полушарие, которое еще сравнительно недавно считали «немым».

В познавательной, творческой деятельности человека тесно переплетаются абстрактное и конкретное мышление, образная и словесная память и так далее. Мы, ученые, называем это свойство мозга мультифункциональностью. Оно говорит о безграничных резервах, о безграничных возможностях мозга. Ведь даже ранение коры, кровоизлияние, разрушающие целые области, часто не выводят мозг из строя окончательно. Вот мы и стараемся понять пластичность механизмов деятельности мозга и его резервы. А они различны для разных структур.

...Я слушаю Олега Сергеевича и думаю о том огромном труде ученых, о тех тысячах экспериментов и наблюдений, которые надо было провести, чтобы сказать только одну короткую фразу: «Географическая карта мозга представляется значительно сложнее, чем прежде».

Я побывала во многих лабораториях института, беседовала с учеными, и, как мне кажется, одна из главных причин успехов их работы кроется в том удивительно гармоничном сочетании традиций, высших достижений той широкой научной школы, что создали профессора С. А. Саркисов, И. Н. Филимонов, Е. П. Кононова, с новейшими идеями, привнесенными в науку о мозге развитием научно-технического прогресса. В институте созданы новые лаборатории, вторгается вычислительная техника, все больше используются электроника и математические методы. Это требует исследователей, поновому образованных, даже мыслящих по-новому. Но стоять они должны на твердой базе глубоких фундаментальных работ. Именно такая база экономит силы и средства и позволяет быстрее двигаться вперед.

И еще обращает на себя внимание комплексный подход к изучению мозга, который и сегодня остается, говоря словами Павлова, «огромной темой».

В институте бок о бок работают морфологи и физиологи, химики и физики, математики и инженеры. Последние, с одной стороны, помогают физиологам изучать мозг, создавать новые методы, электронные приборы, автоматизировать исследовательский поиск, а с другой — используют полученные знания о мозге непосредственно по своей специальности. В институте работает лаборатория нейрокибернетики, возглавляемая профессором Н. Н. Любимовым. Ее задача — помочь понять информационные принципы работы мозга. С этими вопросами связана животрепещущая сейчас проблема надежности. Самовосстановительные способности мозга поражают воображение. Математики подсчитали, что вероятность его безаварийной работы в нормальных условиях доходит почти до ста процентов.

— Олег Сергеевич, вы рассказывали о «географии мозга», и, если исследование его и дальше сравнивать с изучением Земли, вероятно, можно говорить и о его «геологии»? Правда, геологи изучают многокилометровую толщу Земли, а толщина коры, покрывающая полушария мозга, всего несколько миллиметров. Однако она содержит миллиарды нервных клеток. И каждая клетка находится в контакте с тысячами других, так что трудности геологов могут показаться гораздо меньшими по сравнению с теми, которые выпадают на долю исследователей мозга. Насколько подробнее стала за последнее десятилетие «геологическая карта» мозга? Насколько глубже изучили ученые сложнейшую сеть контактов между клетками?

— Мозг, особенно кора больших полушарий, заставляет нас еще раз подивиться щедрости природы. Не жаль своих сил. Конструкция мозга совершенна. Это — уникальное сооружение. Наука о его архитектуре называется цитоархитектоникой.

Цитоархитектоника — изучение организации больших клеточных массивов. Здесь можно сделать такое сравнение. Представьте себе, что вы наблюдаете с самолета огромные лесные массивы. Вы видите, как посажен лес, из каких пород деревьев он состоит, как соотносятся между собой массивы. Иными словами, вы получаете о лесе общее представление. Другое дело, если вы хотите изучить отдельные породы деревьев. Для этого вы должны спуститься на землю.

Перед исследователями мозга стоит сейчас задача выяснить, как устроены отдельные блоки. Изучением связей этих блоков между собой занята лаборатория анатомии мозга, руководимая профессором С. Б. Дзугаевой.

Вместе с тем надо понять связи отдельных

невронов между собой, исходя из особенностей их строения. Проблемой контактов между клетками мозга многие годы успешно занимается в нашем институте профессор Г. И. Поляков, получивший за свои работы в прошлом году высокую награду — Государственную премию СССР. Исследование тонкой нейронной организации мозга открыло пути для дальнейшего, более углубленного проникновения в микроструктуру нервной ткани. Были обнаружены разные формы сцепления невронов. А количество контактов только одной нервной клетки огромно. По данным профессора Полякова, оно может доходить до шести тысяч. Такое богатство связей в коре является одним из важнейших условий для бесконечно разнообразной аналитической и синтетической работы мозга. Иными словами, в основе его деятельности лежит многообразие контактов.

Проникая в тайны микромира мозга, мы, однако, не упускаем изучения его в целом как макросистемы, мы как бы прокладываем мосты между этими мирами. Ибо нам важно знать и тонкое строение мозга и то, как это строение связано с его функциями, а в конечном счете — с поведением животных и человека.

От нейронного строения путь лежит к изучению тонкого аппарата нервных связей — так называемым синаптическим структурам. Слово «синапс» в переводе с греческого означает «застежка». Сейчас с помощью электронного микроскопа ученые хорошо разглядели эти застежки, специальные соединения между клетками.

Микроструктуру мозга исследует в нашем институте лаборатория электронной микроскопии. Ее возглавляет профессор Н. Н. Боголепов. Контакт, который недавно мы видели всего лишь как точку на картах мозга, теперь воспринимается и исследуется учеными как достаточно сложная структура.

Вместе с морфологами трудятся физиологи и химики. Одни из них регистрируют деятельность и химический состав совокупности многих клеток мозга в процессе его работы, другие — обращают внимание на то, как реагируют на различные сигналы одиночные невроны. Для этого в них вводятся тончайшие электроды и регистрируется их электрическая активность. Такие опыты с успехом ведутся в лаборатории профессора М. Я. Рабиновича.

Судите сами, насколько точнее и подробнее стала геологическая карта мозга.

— Ваш институт ведет в основном фундаментальные исследования, раскрывающие строение и деятельность здорового мозга. Насколько смыкаются эти работы с лечением больного мозга?

— Мы действительно главной своей целью ставим фундаментальные исследования, проводимые в основном на здоровом мозге. Однако сейчас (это новое в работе нашего института) мы стали активно изучать, как изменяется строение мозга под воздействием тех или иных вредных факторов, так сказать, реорганизацию мозга. Это очень важно для практики, ведь знание структуры мозга и понимание хода болезни — уже один из путей к ее лечению.

Как изменяются показатели белкового обмена, окислительные процессы? Какова химическая основа передачи нервных возбуждений от клетки к клетке? Что происходит при различных сдвигах? Как накапливаются в нервной ткани те патологические изменения, которые на определенной стадии становятся необратимыми? И где этот рубеж?

Решение таких проблем требует смелых и чрезвычайно кропотливых, долголетних исследований. Приведу такой довольно любопытный пример. В лабораториях профессоров А. А. Волохова и З. Д. Пигаревой проводятся эксперименты на кроликах. Определенное время кролики сразу же после рождения живут в полной темноте. Как изменится их мозг при таком содержании и что произойдет с ним, если животных вынести на свет? Какие процессы идут в это время в клетках мозга?

Если не перейден возрастной «критический» рубеж, животные приспосабливаются к новым условиям. Но если опоздать их вынести на свет,— изменения в мозге переходят в необратимые. Кролик уже никогда не вернется к своему нормальному состоянию, хотя условия его содержания вроде бы нормализованы.

— Мне кажется, что подобные исследования имеют прямое отношение к проблемам, далеким от медицины, к педагогике, вопросам воспитания. Помните прекрасную сказку Киплинга «Маугли»? Исходя из опытов, о которых вы только что рассказали, Маугли уже не смог бы стать человеком...

— Совершенно верно. У людей, как и у животных, существуют критические периоды, когда в их мозгу заканчивается формирование тех или иных навыков. Это стало ясно учеными в ходе изучения развития генетического аппарата человека. Если ребенок пробыл у животных всего несколько лет и не научился говорить, он уже не вырастет человеком в том смысле, как мы понимаем это слово. Критический рубеж перейден, патологические изменения в его мозгу стали необратимыми. Вы совершенно правы: эту сторону формирования мозга должны учитывать педагоги да и просто родители. Основные навыки и представления формируются очень рано, уже после двенадцати — пятнадцати лет переучивание идет с трудом. Поэтому так важно не «запустить» ребенка, постоянно следить за его духовным формированием и развитием. Если время упущено, трудно что-либо изменить.

...Вот с каким широким кругом проблем — политических, научных и общественных — связано в наши дни изучение мозга. Проникая в таинственные закоулки мозга, исследователи учатся лечить болезни, их работы помогут выявить резервы мозга, воспитать человека мыслящего, гармоничного, счастливого... Но что будет, если к добытым с таким трудом знаниям прикоснутся грязные руки и используют его во вред человечеству? Ведь, воздействуя на мозг, можно вызвать торжество звериных инстинктов, можно заставить человека корчиться от страха или превратить его в безмолвного раба. Психологическое оружие окажется пострашнее атомной бомбы. Недаром некоторые зарубежные исследователи мозга, заглянув в эту пропасть... перестают заниматься наукой. Они страшатся того, что случилось в годы Хиросимы, когда знание опередило мораль в их обществе. И я спрашиваю Олега Сергеевича:

— Не страшит ли вас безграничная власть над мозгом, которую можно получить, познав законы его работы? Как предотвратить использование этих знаний во зло человечеству?

— Разумеется, эти вопросы волнуют ученых. Однако прекращать исследования было бы преступлением: слишком много получат люди, если мы поймем законы работы мозга. Я уже не говорю о том, что знание вообще нельзя остановить. Знание всегда прогрессивно. Другое дело, как использовать его плоды. Это уже зависит от общества, от социальной системы. Ведь «во зло» можно использовать все на свете. Даже электричество, которое дает нам свет и тепло, заставляет работать фабрики, заводы, транспорт, можно применить как орудие казни.

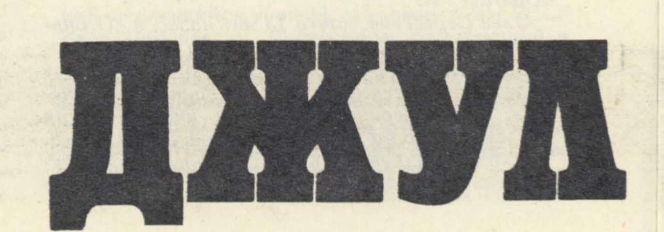
Советские ученые твердо знают, что в стране социализма наши исследования будут служить только для блага людей. И это делает труд светлым и радостным.

Исследователи мозга, конечно, сознают свою особую ответственность перед человечеством. Я считаю, что мы должны активно вести двоякую деятельность. С одной стороны, разъяснить те научные выводы, которые не всем известны и не всеми принимаются, например, что у человека нет низменных влечений, инстинктов, неизбежно толкающих его к войнам и разрушениям, что нет неполноценных рас и народов. Эти выводы имеют не только научное, но и политическое значение. С другой стороны, нам необходимо еще глубже изучать мозг, скрывающий в себе много тайн и загадок. Исследование этого чуда природы должно вестись совместными усилиями ученых разных стран.

Однако, чтобы наши работы были использованы только для блага народа, тоже нужно бороться. И честные ученые всего мира это прекрасно понимают.

Если вернуться к разговору о картах, то как географическая карта в рубке капитана приводит корабль к родным берегам, так и карты, которые составляют исследователи мозга, должны привести людей к еще более широкому сотрудничеству, взаимопониманию и миру.

Джеймс ОЛДРИДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ГЛАВА 11

Мне, конечно, любопытно было бы зайти к Джули и посмотреть, как относятся к его скандальному поведению миссис Кристо и ее жильцы, но уж очень не хотелось выслушивать жалобы миссис Кристо и терпеть ее материнские объятия. Да еще говорили, что в городе опять появился доктор Хоумз, а уж с ним встречаться я и вовсе не желал. Он целый год разъезжал по Австралии, проповедовал свою веру на севере и на юге. А теперь возвратился во всеоружии проклинать закоснелых в грехе и спасать желающих спастись.

Но в конце концов я все-таки пришел в дом Джули, привел меня туда приезд Бетт Морни. Она вернулась из учительского колледжа на летние каникулы, а через неделю получила письмо от миссис Кристо, что Джули болен и спрашивал про нее, и только тут я спохватился, что сам не видел его чуть не полгода.

— Посоветуй, Кит, как быть? — спросила она. — Пойти мне к нему?

— А почему бы нет? — сказал я.

— Но если он хочет меня видеть, почему же сам не написал?

— Ну, кто его знает, Бетт? У Джули ведь всегда все не как у людей.

— Хотела бы я все-таки знать. Ужасно боюсь, приду, а он вовсе меня не ждет.

Мы только что столкнулись с Бетт у дверей «Стандард». Я не видел ее год с лишним, и за этот год она из прелестного подростка превратилась в прелестную девушку, такую прелестную, что просто глаз не отвести. В то лето была она тем привлекательней, что и не подозревала, как мы все ею восхищаемся. У нее по-прежнему не было врагов, и чуть не каждый в нашем городе ощущал радостные приливы гордости оттого, что есть у нас такая девушка.

— А ты знал, что он болен? — спросила меня Бетт.

— Ничего не знал, — сказал я, — я его сто лет не видел.

— Вот потому-то я и не хочу прийти без спросу, а вдруг он будет недоволен, — сказала Бетт. — Просто не знаю, как быть.

Я понимал, что́ ее тревожит, и сказал, я

Продолжение. См. «Огонек» №№ 35 — 40.

зайду к Джули и поосторожней разведаю, что с ним такое. И заодно узнаю, правда ли он хочет ее видеть или это снова мать пытается скрепить их дружбу.

Я пошел в ту же среду, и оказалось, я так давно не был здесь, что совсем забыл, до чего уродлив этот дом, чья нагота и убожество ничем не скрашены, не смягчены. Я собрался с духом, дверь отворилась, на пороге встала миссис Кристо— она глубоко вздохнула, и, не успев увернуться, я очутился в ее восхитительных объятиях.

— Кит, — прошептала она мне на ухо,— а я уж и не надеялась тебя увидеть.

— Здравствуйте, миссис Кристо!

— Ш-ш-ш! Он может услышать, — все так же шепотом продолжала она.

— А что такое? Что случилось?

— Сам увидишь. — Она вся трепетала, словно пыталась дать мне что-то понять. — Пожалуйста, Кит, не говори ему, что я тебя звала, скажи, сам пришел. Пожалуйста, так и скажи, ладно? Ведь я и вправду тебя не звала, верно?

— Ну да...

— Я ведь ни слова тебе не говорила, верно?

— Ну, да, конечно.

— Я тебе хотела написать, — сказала она, и в глазах ее появились слезы, точно пенка на молоке, — но Джули не позволил. Я совсем потеряла голову. Это было ужасно. Но мне пришлось написать Бетт. Не могла я от нее скрыть.

— Бетт мне сказала, — тихонько подтвердил я, входя за ней в кухню.

— Но ему, пожалуйста, не говори, Кит. Ничего ему не говори, ладно?

— Ну, конечно, не скажу.

— Что же мне оставалось делать... — Миссис Кристо стиснула руки, прижала к груди, словно пыталась утишить боль. — Он ничего мне не позволяет.

— Да что с ним такое? — вставил я наконец.

— Он мне не говорит.

— А доктора вы звали?

— Он ничего мне не позволяет. Ему так было плохо, я думала, он умрет.

— И давно это с ним?

— Уж несколько недель, целый месяц, наверно. Больше...

— Господи, — пробормотал я. — Бедняга Джули.

Миссис Кристо дрожащими пальцами утирала слезы.

— Это его господь покарал, Кит. Это кара небесная.

— Джули не за что карать, миссис Кристо. Он ничего такого не сделал, сами знаете.

— Я-то знаю, Кит. Но больше ведь никто не знает. Все думают, он сбился с пути истинного. Но Джули не виноват. Виноваты другие, его вынудили. В наши дни все погрязли в грехе, даже славные люди тоже.

— Но из-за этого он не мог заболеть, — стоял я на своем.

— Тогда почему же он лежит и не встает? Что-то с ним неладно, Кит. Ты сам увидишь. На него смотреть страшно.

— Все обойдется, — сказал я.

Миссис Кристо уже хотела благодарно меня обнять, но я отступил за стол и сказал:

— Может, я пойду взгляну на него?

— Хорошо, — прошептала она. — Только ничего ему не говори, ладно?

Я вышел из-за стола и прошел за ней через кухню на крытую веранду по другую сторону дома — в обитель Джули: на двенадцати квадратных футах железная койка да комод из сосновых досок. Голый дощатый пол, москитная сетка, серые стены.

— Вот твой друг Кит, — решительно объявила миссис Кристо, однако в голосе ее сквозила неуверенность и мольба. — Он сам пришел тебя навестить. Я ни слова ему не говорила, Джули. Он только что пришел. — Она держала меня за руку, словно я был единственным доказательством ее невиновности.

С Джули никогда ничего нельзя было предвидеть, а сейчас я уж вовсе не знал, чего от него ждать. Но, взглянув на него, совсем утонувшего в серой постели, так что виднелось только лицо, я чуть не ахнул. Он явно был очень болен. Лицо обтянуто, щеки ввалились. Всегда матово-белая кожа стала совсем прозрачной, блеклой, точно увядающий лепесток. Но глаза смотрели сурово и сверкали, словно он только что прошел через какое-то жестокое испытание, и лишь теперь я понял, что при всей своей худобе и угловатости раньше он всегда был жилистый и здоровый. Хрупкий, конечно, но не болезненный. А сейчас передо мной совсем еще мальчишка, которого свалил серьезный недуг. Скорей всего (уверен, что не ошибаюсь) он перенес сильнейшее воспаление легких.

— Тебя прислал Билли? — спросил он, но не пошевелился.

— Нет. А что? Ты ждал от него кого-нибудь?

— Если он хочет забрать свои инструменты, они под кроватью.

— Я не встречал Билли с тех пор, как мы с тобой виделись на той танцульке за городом, но вряд ли он беспокоится о своих инструментах.

Сесть Джули не пытался. Выпростал худые руки из-под одеяла, и оказалось, на нем старая скаутская рубашка, вероятно, дар какой-нибудь местной благотворительницы, скорее всего миссис Пай: на болезни и всяческие беды у нее нюх был, как у ищейки. Когда кто-нибудь у нас в городе хотел отделаться от изношенной или ненужной одежды, он швырял свое тряпье, точно на свалку, через забор миссис Пай, а она его простирывала, складывала в сарае и потом во время своих благотворительных обходов отдавала какому-нибудь бедолаге. Миссис Кристо, вероятно, приняла рубашку просто из вежливости, чтоб не обидеть добрейшую миссис Пай, но Джули тогда, видно, был уж совсем слаб, не то нипочем не согласился бы ее надеть.

— Ты прямо какой-то невозможный, — сказал я. — Почему ты не дал позвать врача?

— Я здоров, — ответил он. — На что мне врач...

— Что-то не похоже, что ты здоров. Сразу видно, тебе самое место в больнице.

Как всегда в разговоре с Джули, меня зло взяло, и в то же время хотелось защитить и оберечь его, и представилось, как он лежал тут без сна, в ознобе, и мучился, и отказывался от всякой помощи, словно и помощь — тоже вмешательство в его нескончаемую борьбу со всеми скрытыми врагами.

— Что ж ты не дал мне знать? — сказал я.

— Мне уже лучше.

Я сел на постель, жесткую, как гранит.

— Знай я, что ты так болен, я принес бы тебе винограду или какую-нибудь книжку.

На это не обязательно было отвечать, и Джули не ответил.

— Может, тебе что-нибудь нужно? — спросил я. Я все еще не пришел в себя, страшно было на него смотреть.

Он покачал головой, не отрывая ее от подушки.

— Пойду принесу вам по чашечке чаю,— сказала миссис Кристо. Все это время она стояла в дверях, прижав руку к груди. А теперь улыбнулась, прикрыв удлиненные глаза, словно наконец-то ей, слава богу, разрешили улыбнуться.— У меня есть пирожки с мясом, я испекла для Джули.

Я не отказался. Мне жаль было миссис Кристо не меньше, чем самого Джули, и я ничем не хотел ее огорчать.

— Какой сегодня день, Кит? — спросил Джули, когда она вышла.

— Среда.

— Дормен Уокер еще не заплатил мне за последнюю неделю в том месяце. Может, сходишь к нему, получишь?

— Придется подождать до конца недели. Он уехал в Ной на распродажу овец.

— Понятно. Но ты потом получи с него деньги и, если не хочешь больше сюда заходить, оставь в кухне на столе или отдай Мейкпису.

— Я забегу в воскресенье днем, — сказал я.

— Тебе Скребок не попадался? — спросил он.

— Несколько дней назад я его видел, он хромал по проулку за пожарным депо.

— Ему теперь все время достается, старый стал, не успевает увертываться. Оттого и хромает.

— С виду он ничего.

— Дай ему колбасы, — велел Джули.— Он, наверно, где-нибудь за кондитерской миссис Джойс. Он всегда там бродит, а она всегда старается его ошпарить.

Сроду не слыхал, чтоб Джули по своей воле произнес такую длинную тираду, да притом глаза его сверкали, щеки ввалились, он был точно одержимый.

— Я его найду, не беспокойся.

— Увидишь Билли, скажи, он может в любую минуту забрать свои инструменты,— продолжал Джули.

— Ты что ж, порвал с «Веселыми парнями»?

— Я этого не говорил.

— Я думал... — начал я и запнулся, может, он еще что-нибудь скажет, но он ждал, что скажу я. — Бросил бы ты это, Джули, а?

— Тебя это не касается, — был ответ,— и нечего заводить этот разговор.

Я нисколько не обиделся.

— Знаю, что не касается. Но, похоже, тебе это вовсе не на пользу.

— А почему это должно быть мне на пользу? Что ты болтаешь?

Но я не собирался так просто сдаваться.

— Потому что в джазе ты только даром тратишь время. Сперва я думал, тебе это поможет. Но я ошибся.

— Одно другому не мешает, — сказал он, медленно повернулся на бок и словно забыл о моем существовании. Потом взял старую тетрадь, что лежала у подушки, положил на комод, похожий больше на обыкновенный ящик.

— Ты старые тетради выбросил?

— Некоторые выбросил.

— А какие-нибудь у тебя еще остались?

— Сколько угодно.

— Не выбрасывай, — сказал Джули. — Отдай мне.

— Но ведь они почти все исписаны.

— Неважно, — сказал он.

И ОТРЕШЕННЫЙ

Я наклонился и взял тетрадь. На полке пониже лежало еще штук шесть, а на последней полке, в самом низу, наверняка стоял горшок. Уж такой это был дом, тут непременно должен быть горшок, так же неизбежно, как серые стены и неистребимый запах лука, — и Джули наверняка ненавидел этот горшок, как ненавидел все, что выдавало стороннему глазу, как он живет.

— Не трогай, — вдруг сказал он.

Я листал тетрадь, почти не глядя, но его слова будто подтолкнули меня, и я посмотрел на страницы. Они сплошь были исписаны школьными упражнениями, но поверх шли линии — вертикальные, не горизонтальные, — и сразу стало ясно: это нотные записи по странной системе Джули: казалось, вверх по лестнице взбираются сотни человечков.

— Положи на место, — резко сказал Джули.

Я отложил тетрадь, теперь я понимал, что и остальные тетради заполнены тайной алгеброй Джули, сложной музыкальной математикой его изобретения.

— Почему, черт возьми, ты не научишься записывать музыку, как все люди? — спросил я.

В ответ Джули лишь заложил руки за голову.

— Если б ты правильно писал ноты, — продолжал я, — другие тоже могли бы разобраться в твоих сочинениях.

Слишком поздно я понял, что довод мой был весьма неудачен. Джули стал бы охранять свою тайну от любой помощи, от любого совета, любого стороннего глаза, пусть одобрительного, от любого вмешательства. Вторжение означало для него гибель — это мне еще предстояло узнать.

— Ты спятил, — сказал я.

Джули молча, терпеливо меня слушал, а я знай корил его и уговаривал до тех пор, пока не появилась миссис Кристо с жестяным подносом — она принесла две чашки чаю и тарелку пирожков с мясом, каждый сбоку чуть подгорел. От них пахло жиром, но все равно у меня слюнки потекли.

— Вот, угощайтесь, — сказала она вполголоса, чтобы не помешать, и поставила поднос на кровать между нами. — Я положила тебе три полные ложки сахару, Кит, и если захочешь, принесу еще пирожков.

— Больше двух мне не съесть, миссис Кристо.

— Тут всего-то по два!

Не хотелось омрачать ее неожиданную радость.

— Ладно, — сказал я. — Можно и еще парочку.

— И, пожалуйста, Кит, заставь Джули тоже съесть пирожок. Он почти ничего не ест.

Она вышла, и я пододвинул тарелку поближе к Джули. Он взял пирожок и через силу принялся жевать. А второй протянул мне.

— Сунь в карман и отдай Скребку, — сказал он.

— Я возьму для него дома какие-нибудь объедки.

— Он любит мясной фарш, — настаивал Джули; наверно, он вовсе и не любил эти пирожки и ел их, просто чтоб не огорчать мать. — Поставь поднос на пол.

Я поставил поднос на пол, и Джули осторожно приподнялся.

— Не трогай меня, — сказал он, когда я наклонился, чтобы ему помочь,— я и сам могу сесть.

— И завтра уже пойдешь на работу? — сказал я.

— На той неделе пойду.

Я засмеялся.

— Когда увидишь Дормена Уокера, спроси, возьмет ли он меня назад недели через две.

— Да тебе буханку хлеба и то не поднять. Посмотри на себя. Тебе и до двери-то не дойти.

Джули никогда не защищался и теперь просто не стал больше об этом говорить.

— В общем, Кит, мне нужны старые тетради, — продолжал он, — так ты принеси.

— Ладно, — сказал я и встал, собираясь уйти: он здорово устал, хотя старался не подать виду.

Миссис Кристо принесла мне еще четыре пирожка, завернутых в бумагу из-под масла, и уже у двери во двор спросила, когда я приду опять.

— Пожалуй, в воскресенье днем, — ответил я. — Это удобно?

— Конечно, удобно, Кит, милый. И, пожалуйста, скажи другому его другу, хорошо? Ты ведь знаешь, о ком я, — шепотом прибавила она.

Я отворил дверь, но она удержала меня, обхватив своей прекрасной рукой, и спросила:

— Он ведь лучше выглядит, правда? Как, по-твоему?

— Наверно, лучше, — ответил я. — А все-таки почему бы вам не вызвать доктора, миссис Кристо?

— Но ведь ему лучше, Кит.

Я вывернулся из-под ее теплой руки и повторил, что в воскресенье приду.

— Мы будем тебя ждать, — сказала она, стоя в дверях, — так уж ты приходи.

— Приду непременно, — пообещал я.

Я уже решил, что в воскресенье приведу с собой Бетт Морни.

Говорить об этом с Бетт по телефону мне не хотелось: телефонная станция была у нас главным источником сплетен. И потому я просто зашел к Бетт в четверг после работы. Она готовила отцу чай и одновременно просматривала свои аккуратненькие учебники. Я подсел в кухне к столу, покрытому накрахмаленной скатертью в синюю и белую клетку, и рассказал ей про Джули. И предложил пойти к нему вместе в воскресенье, если только она может оторваться от своих увлекательных занятий.

— А ты говорил ему, что я приду?

— Нет. Но на твоем месте я не стал бы об этом беспокоиться.

Я уже твердо решил, в лепешку расшибусь, а постараюсь вернуть их прежнюю дружбу, я понимал: Джули совсем измучился душой и телом надо его вызволить из беды.

— Все-таки боязно, а вдруг он не хочет меня видеть? — сказала она.

— Раз уж ты придешь, все будет в порядке, — сказал я.

— Надеюсь, Кит. Он так болен, я ни за что не хочу его огорчать.

Меня одолевало любопытство: доходили до нее дурацкие слухи про танцульки, и про Джули, и про Норму Толмедж? Я взял и спросил ее.

— Джоан Эндрюс писала мне в Бендиго, — ответила Бетт. — Она писала, что болтают про Джули, будто он напивается пьяный, и играет в джазе, и хороводится со всей этой непутевой компанией.

— И ты поверила?

— Да.

— Поверила?

— Да, но только я знаю, у Джули это все по-другому. Совсем не так, как про него рассказывают.

— А почему он связался с этой бражкой, понимаешь?

— Ну, Джули разве поймешь, Кит? Я, во всяком случае, не понимаю.

— Он не напивался, — сказал я.

— Ну, это-то я понимаю.

— А все остальное правда.

— Вот как?

— Что толку скрывать, Бетт.

На минуту она, видно, растерялась и не знала, что сказать. Потом засмеялась.

— Ты всегда так, — сказала она.

— Как так?

— Всегда всех испытываешь, правда?

— Тебя я не испытываю.

— Нет, испытываешь, — сказала Бетт.— Ты ко всем относишься подозрительно.

— Я?

— Ты. В сущности, ты ведь никому не доверяешь, разве не так?

Да, самая простодушная наша девушка из бутона превращалась в настоящий цветок, а ее мысли и чувства были всем открыты.

— Должно быть, это наш город виноват, Бетт, — сказал я. — Наверно, я просто хотел поглядеть: а вдруг толки про Джули тебя напугали?

— Не говори глупостей!

— Ну и прекрасно, — сказал я уже с порога. — У нас же город страх какой нравственный, так что не взыщи, я хотел проверить. Жду тебя в воскресенье в три у его дома.

— Я приду, — сказала Бетт.

Теперь мне надо было увидать еще одного человека, не хотел я, чтоб он плохо думал о Джули. Надо было рассказать Билли, что Джули свалился, пускай не думает, будто Джули взял да и подвел его. И хотелось узнать, как Билли и его «Веселые парни» обходятся без Джули.

Билли грузил смолистую древесину на старый белый грузовик с цепной передачей и, услыхав, что Джули болен, удивился.

— Очень болен, — подчеркнул я, — воспаление легких.

— Черт возьми, Кит, а я и не знал, — сказал Билли. — Думал, он не приходит из-за своей мамаши, она как-то заявилась сюда и развела тут бодягу.

— Она приходила сюда, к тебе?

— С месяц назад, в субботу утром. Заявилась и говорит: сыну, мол, не годится играть в джазе и на банджо, грех это, и, пожалуйста, мол, не допускайте его. Что мне было делать?

— Неужели ты согласился?

— Еще чего, дурак я, что ли? Почему это Джули не годится с нами играть? Я так прямо ей и сказал. А она вроде не поняла. Стоит, ломает руки и все твердит свое и просит, чтоб не допускал я его. Расстроилась жутко, можешь мне поверить, того гляди на колени станет. Заикается, лопочет невесть что. Прямо страх.

— Понимаю.

— И знай твердит, это, мол, ради Джули, ко мне-то она со всем уважением. А все зло, мол, от той девушки. От какой, говорю, девушки? А она: я, мол, мать, я все знаю, не такой у меня сын, чтоб возвращаться домой среди ночи, да в машине, да с пьяной девчонкой. И все говорит, говорит, будто и не мне, а так, в пустоту.

— Это она, наверно, про Норму Толмедж.

— Ясно, про Норму, про кого ж еще. Потому-то я и озлился. Норма иной раз и хватанет лишку, это все знают. Да ведь только самую малость и то не часто. Балованная она, только и всего. Да еще зубов нет. Но о Джули заботится. Никому не позволяет к нему приставать, в обиду не дает. Ну и не желал я, чтоб эта раскрасавица обливала ее грязью. И сказал: пускай убирается подобру-поздорову, пускай, мол, запакует свои мозги да пошлет в прачечную, чтоб их прополоскали.

«Святая простота», — вспомнились мне чьи-то слова, но я и не пытался объяснять Билли, что это такое.

— Она боится за Джули, вот и расстраивается, — сказал я.

— Так я ж это самое и говорю, — сказал Билли. — Забыл, что ли? А только я-то тут при чем? Толковала бы ему самому...

— У нее перед ним страх божий...— сказал я.

— Чего?

— Нет, я просто так.

— Жалко мне Джули, — сказал Билли.— Бедняга, я-то думал, она его застращала, вот он и не приходит. Зря мне не дал знать, что болеет.

— Никто про это не знал.

— Как раз когда мы готовили... готовили... — Билли помотал набитой ритмами головой, не находя нужного слова. — Нет, не позволит она ему теперь играть у нас.

О том, что надо грузить лес, Билли и думать забыл: шофер, Боб Симмонс, давно уже работал один и, оглядываясь, клял нас на чем свет стоит.

— По-моему, Джули ее слушать не станет, — сказал я. — Только он еще очень плох и сам не понимает, до чего ослабел. Они даже доктора не звали.

— Фу ты, черт...

— В общем, он сказал, если тебе нужны инструменты, можешь их забрать.

— Не хочу я их забирать, — с обидой сказал Билли. — Скажи, пускай его держит эти чертовы инструменты сколько хочет.

— Ладно.

— Скажи, я его навещу, только вот не знаю, может, его мамаше это придется не по вкусу, ты как считаешь?

— Спрошу его в воскресенье. Я к нему днем зайду.

Когда я уходил, Билли озадаченно качал головой, а Боб Симмонс — завсегдатай загородных танцулек — отпустил какую-то гнусную шуточку про Джули и Норму Толмедж. Я толком не расслышал и не стал задерживаться и заслонять Джули от стрелы, пущенной вроде бы в белый свет, — слишком много их метило в него за последнее время.

Да и что за важность, я ведь все еще не отказался от намерения спасти его — не от нашего города, а от него самого. И для этого надо было вернуть в его жизнь Бетт, верней пути я не знал.

Перевела с английского
Р. ОБЛОНСКАЯ.

Продолжение следует.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ

Николай БЫКОВ

Фото Бориса КУЗЬМИНА, специальные корреспонденты «Огонька»

ВАЛДАЙСКИЕ РОДНИКИ

3. НЕБЫВАЛЬЩИНА

Пожилая женщина в ярославском селе рассказала:

— Приснилось мне, будто прихожу это я домой из клуба, а на дворе стоит моя Рыжуха, корова, значит. Батюшки, дак ведь давно ее свела! Да что же мне — опять до света вставать? Дак я и доить-то разучилась, на ферме-то мехдойка давно. А корма где? И тут я проснулась — от глаз ее, глаза у ней сильно наплаканы. Страшный сон!..

И еще, где был, рассказывали, что парни по деревням не умеют лошадь запрячь, а бабы разучились. Мужики? Да мужики нынешние и вовсе не умеют, они, как говорится, с рождения на машинах.

В разговорах часто я задавал вопрос, что такое ОДН. Так случилось, что никто, у кого бы я ни спрашивал в долгой дороге по Верхневолжью, не расшифровал эти не столь уж таинственные буквы. Нет, это не инициалы. Признаюсь, в семейном архиве есть свидетельства, что мама моя была активнейшим членом ОДН — общества «Долой неграмотность» в деревнях Подольского уезда, что на Пахре. Люди нынешней деревни забыли, что такое уроки при керосиновой мигалке, когда за окном лютая темень и разор. А ученикам — за сорок и часто под пятьдесят. Теперь все грамотные, даже старики, которые в начальные-то классы обязательно ходили и состарились за послевоенные годы. Откуда же знать нынешним селянам, что означают три буквы, ОДН — символ революционного штурма вековой тьмы и несознательности! А ведь для истории и три десятилетия и девять пятилеток как одна сплошная неделя труда до седьмого пота. Неделя только минула, а уже никто не помнит яростной схватки юных энтузиастов с мужицкой неграмотностью. Ну, а ТОЗ? Ответил один Николай Ильич Абросимов. С товарищеской обработки земли все и началось. Мужики говорили: «Северный хлеб родят борозда и изгородь». Борозду провел единственный в ТОЗе трактор, изгородь поставили сообща.

Вот и получается, что в деревнях тут все грамотные, в избах электричество и радио, в каждой третьей избе телевизор смотрят. А многое из былой крестьянской жизни отошло в небытие. Поля же как были бедны гумусом, так бедны им и сейчас. Где супесь, где суглинок. Конечно, в каждой области и автономной республике Нечерноземья есть хозяйства, которые собирают на круг по двадцать пять, а то и по тридцать центнеров зерна с гектара. А как просил главный агроном ярославского колхоза «Горшиха» Николай Васильевич Аржанцев посмотреть его любимое поле пшеницы с колосом мощностью на сорок пять центнеров с гектара! Я ему: обмолот, мол, покажет. Нет, настоял на своем одержимый агроном, показал Аржанцев поля украинской пшеницы и русской ржи и нового необыкновенного ячменя... Небывальщина!

Но сейчас разговор не об этих полях, получивших наконец-то почти полную норму навоза и минеральных удобрений. Речь о другом. Речь о том, что хлеборобы Нечерноземья должны к концу десятой пятилетки поднять урожайность зерновых до двадцати центнеров с гектара, овощей — до двухсот шестидесяти, картофеля — до ста шестидесяти центнеров с гектара. Речь о том, как и кто одолеет разрыв между запланированной урожайностью и теми великолепными тридцатью — сорока пятью центнерами, которые намолачивают передовики на полях, преобразованных агрономами в «черноземные»? Как и кто?

...В селе Медягине Ярославского района председатель колхоза показал новенькие дома — целую улицу. Дом к дому. Ладные, окрашенные во все цвета радуги, большеоконные. И палисаднички перед окнами, и тротуар заасфальтирован. Ах, какая улица!

— Подарок колхоза,— заметил председатель Николай Ильич.— Сами нарисовали, сами построили. Но каждое утро на эту улицу приходит городской автобус. Его заполняют сонные юноши и девушки. Дети колхозников. И уезжают на рабочую окраину Ярославля, есть там валяльная фабрика...

Почему? Что заставляет? Для председателя загадка. Старенькое вроде бы предприятие, ждущее реконструкции, шерсть в мойках, чесальные машины... Зарплата сманивает? У колхозников она выше — даже средняя выше, а у механизаторов и животноводов выше вдвое. Нормированный рабочий день? Но в колхозе тоже не работают от зари до зари, и даже на фермах здесь два выходных в неделю.

Когда-то Никита Моргунок, рассудительный герой поэмы А. Твардовского, оставался последним мужиком, не охваченным коллективизацией. Теперь, мне кажется, в подобной или почти подобной ситуации, образно говоря, оказались целиком некоторые артельные хозяйства, особенно те, у которых слаба экономика. Как это понять? Прошло сорок лет, всего-то ничего, и властно постучалась в колхозные ворота индустриализация. Сколько обычно механизаторов в нечерноземном колхозе? Десять, ну, чуть больше. Столько же шоферов. Допустим, еще нужны грамотные парни. И все равно при достаточно высоком уровне механизации — а дело к этому идет — остальным достается подсобная работа по принципу, куда пошлют. Но молодым такой труд по дедовской технологии чаще всего неинтересен. А новая технология, которая была бы по плечу веку, его требованиям, его скоростям, приходит только с инженерным мышлением руководителей. С мелиорацией, химизацией, автоматизацией. Под силу это даже большому колхозу? Нет. Значит, надо кооперироваться. Надо иметь в виду, что в здешних хозяйствах пашенной земли не так уж и много. Редко, когда тысяча гектаров под зерном, ну, пусть две тысячи. Они уродят пусть сорок тысяч центнеров зерна. Но ростовское транспортно-уборочное звено Н. В. Бочкарева в жатву 1976 года намолотило 67 тысяч центнеров, а ведь для этого понадобилось всего-то двенадцать человек. Я это к тому, что понять тех, кто вместо работы в поле, саду, на ферме, пусть даже с рекордным стадом, предпочитает валять шерсть,— понять можно лишь так: нельзя не считаться с настроениями молодежи, с ее умозрениями, а главное, с дискредитацией дедовского образа труда в деревне. Наступило время не моргункам отдельным объединяться, а целиком и полностью маломощным, обезлюдевшим колхозам и совхозам. Пришло время крупномасштабной кооперации — именно она стоит у околицы даже таких благополучных колхозов, как «Горшиха». Ибо речь на этот раз идет не о благополучии показательных, но о крутом подъеме всего сельского хозяйства.

Все дело в том, что ни средние показатели достигнутых урожайности, надоев, привесов, ни темпы их роста, ни количество продуктов на городских прилавках не удовлетворяют наши возрастающие потребности. Дальнейшее развитие производительных сил объективно требует принципиально нового подхода к организации сельскохозяйственного производства, создания новых полей, пригодных для широкой механизации, объединения усилий хозяйств-пайщиков на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. Иначе как же использовать достижения научно-технического прогресса! Но для этого ми-

Окончание. Начало см. «Огонек» №№ 39, 40.

■

Нет, это не мотель. Так выглядит свинофабрика совхоза имени 50-летия СССР. ✻ Умеют строить дома ярославские колхозники.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Будет новое поле! На исаковское болото, что под древним Дмитровом, пришли мелиораторы. Нивелировщица Татьяна Осипова.

лой моему сердцу отцовой деревне предстоит распрощаться с «крестьянской жистью». Это неизбежно. Старое отжило, мы тому свидетели.

Уже есть примеры и внешней перестройки села, превращения его в многоэтажный поселок со всеми так называемыми городскими благами. Но оставим на этот раз перечисление показательных агропоселков, таких, как «Мирный», Калининской области. Примеры, даже убедительные, не решают проблем социального преобразования села. Известно, что вместо 136 тысяч сел и деревень в Нечерноземной зоне предполагается оставить не более 29 тысяч колхозно-совхозных поселков. В основном это будут, очевидно, центральные усадьбы агропромышленных предприятий.

Какими им быть? Вот вопрос, на котором жарко, страстно, подчас зло сошлись, схлестнулись мнения самых различных специалистов, людей самых разных профессий, темпераментов и житейского опыта. Многие деревни, даже и при дорогах, уже сейчас объявлены «неперспективными». Там нельзя ни домов строить, ни мостов, ни магазинов, в общем, ничего капитального — даже ремонта нельзя. Кто остался в такой деревне, не вписавшейся в генплан района, тот живет-доживает. А ведь земля слухом полнится, ясно, что настроение в таких деревнях чемоданное. Всем очевидно, что сселения не избежать. Но это процесс мучительный для конкретного человека, для семьи, это надолго и дорого, и как тут спешить?

Не раз в пути пришлось вспомнить Николая Рубцова, поэта из вологодской деревни: «Ах, город село таранит! Ах, что-то пойдет на слом! Меня все терзают грани меж городом и селом...»

Мне кажется, что жить в селе «без граней» или в крупноблочном поселке, жителей которого проектанты «избавили» от приусадебного участка, жить без своего лука, без иной зелени к столу, без молока и творога вдоволь, без ежедневных свежих яиц, без выхода к яблоням и смородине, без аромата только что накошенной травы — так жить нельзя. И мне по душе те решения, которые при генеральной перестройке селения учитывают желания молодых специалистов, готовых жить в квартире городского типа хоть на втором, хоть на пятом этаже, и людей, не спешащих оторваться от земли своего приусадебного участка, мечтающих об одноэтажном доме из серии коттеджей, но, конечно, с городскими удобствами. Люди многосемейные предпочитают именно этот вариант. И думается, что отговорка «всем не угодишь» не имеет здесь оснований. Именно угодить надо всем. Иначе село останется без рук и современных знаний, без специалистов новых профессий.

— Живем без коровы. Уже лет двенадцать так живем, и ничего,— делилась своим мнением медягинский бригадир Нина Александровна Смирнова.— Конечно, приусадебный участок пока есть...

Дом у Нины Александровны — загляденье. Игрушка. Она молода и сильна. Муж — плотник, строитель. А корову не держат. И поросят не откармливают, и овец у них нет. Десяток кур. Молоко, масло, сметана, творог, те же яйца, ну, и заодно уж лук репчатый, чеснок, кабачки, капуста ранняя, помидоры в июле — все из города. Кому-то надо за всем этим каждодневным ехать. Нине Александровне чаще всего некогда. Мужу тем более: «А телевизор тогда на что?» Не одни Смирновы так живут, во всем колхозе «Горшиха» несколько личных коров. А как же дети, старики, больные без традиционного парного молочка?

— Колхоз отпускает!

Так-то оно так, но у колхоза свой план. Плюс задание. Плюс обязательства... За каждый килограмм молока, проданный «на сторону», председателя ругают в районе.

— В прошлом году мы продали восемьдесят шесть тонн молока колхозникам, давали и детскому саду и школе, так меня обвинили в разбазаривании!— горько признался Николай Ильич, председатель бескоровного колхоза. Он и сам иной раз отправляется за бутылкой молока в город. Для Андрюшки, внука.

Есть такое понятие — товарность. Район требует с колхоза высокого показателя товарности. Сколько надоил, столько и продай. Идеально было бы добиться ста процентов товарности. Так не бывает. Но чем больше молока или, например, мяса, овощей колхоз оставляет для своих нужд, для рынка, тем ниже процент товарности. И тогда председателя обвиняют: разбазаривание! Нет, я этого в толк никак не возьму.

Я понимаю Галину Судакову из «Горшихи». Она доярка высокого класса. От каждой коровы в своей группе надаивает за год до пяти тысяч килограммов молока. Галине Судаковой не до личной коровы. Ей только двадцать шестой год. У нее и дочь есть, и сын, и все как у добрых людей: хоть маленькая, но семья! Живет семья Судаковых в сравнительно красивом многоэтажном доме, в двухкомнатной квартире. Живет, что называется, по-городскому. И, как говорится, дай бог счастья. Но доярки из «Горшихи» — явление отнюдь не типичное для Нечерноземья. Их нагрузку в колхозе не сравнить с нагрузкой в большинстве хозяйств Ярославского и других районов. Беспокоит другое: желание проектантов избавить «новую деревню» от личных коров и огородов уже сегодня. И не противоестественно ли увидеть в такой вот «по-городскому» живущей семье обеденный стол, на котором все привезенное, не свое?

Я веду к тому, что не рановато ли подхватывать настроения чисто «городские»? Избу, мол, на слом, огород под плуг, корову прочь со двора. Дело еще и в том, что приусадебные участки, личный скот пока еще дают продукцию, необходимую прежде всего для всех живущих вне города, для самих сельчан, частично и для их родственников, переехавших в город; плюс к тому — весомый процент в государственных заготовках молока, мяса, яиц, картофеля, овощей. Хорошо бы, придя с поля, фермы, из мастерской, принять ванну и уткнуться, как делаем мы, городские «бездельники», в телевизор, хорошо бы! Но реальная жизнь такова, что пока городские магазины далеко от села, а дороги трудноодолимы; автобусное же сообщение, где оно есть, раз или два в день. Короче, проблемы очевидны, они волнуют, а решения их неоднозначны.

Размах, с которым страна приступила к перестройке села, миру незнаком. Каждая вполне возможная ошибка затрагивает интересы многих и многих людей. Председателю «Горшихи» Н. И. Абросимову в отделе капитального строительства облисполкома так и сказали: чего, мол, так уж хлопочете о завершении строительства школы-интерната и вообще о строительстве,— центр скоро переместится из Медягина в другое село, вам уже и проект рисуют!.. После такого «преобразования» не то что свою коровенку порешишь, но и ферму, лучшую в стране, упустишь. Кстати, о темпах. В Медягине, где есть и деньги и желание построиться заново, школу возводят шесть лет. Подсчитано, что новый поселок строят лет двадцать, так что стоит крепко подумать, кого следует объявлять «неперспективными», а кого погодить бы. Да и средств таких пока нет, чтобы устроить великое переселение десятков миллионов людей. Тут, по-моему, и отгадку искать, уважаемый Николай Ильич: дать молодым перспективу (модное словечко!) духовного и профессионального развития, дать им интересную жизнь, которая требовала бы от них самостоятельного решения производственных и общественных проблем,— и они, молодые, останутся в селе.

— Не все останутся. Все просто не нужны на новом производстве. Всем нечего будет делать. И это естественно. Число рабочих рук продиктует современная технология. Останутся самые толковые, одаренные. Скорее всего выученики города, в чьем призвании причудливо сочетаются любовь к технике и терпимость к долгой оторванности от шума городского, любовь к сельским ландшафтам и тишине. Понадобятся годы и годы для подбора людей.

Таково единодушное мнение директора опытно-производственного хозяйства имени Ленина Всесоюзного института льна, кандидата сельскохозяйственных наук Николая Павловича Новожилова, генерального директора фирмы «Весна» Ярославского района Вячеслава Александровича Молчанова, директора совхоза имени 50-летия СССР, объединения «Свинпром», что в Калининском районе, Героя Социалистического Труда Павла Павловича Смирнова. Встречи с этими проницательными, еще сравнительно молодыми руководителями современной сельской индустрии оставили глубокое впечатление. После разговора с каждым из них все стало на свои места. Я думал: вот какие они — общительные, высокообразованные, одержимые выстраданной идеей преобразования Нечерноземья, земли отчей, заповедной. Им прежде всего чужды шаблонные, волевые решения. Подлинные интеллигенты, они-то как раз и являются сегодня движущей силой в таком небывалом деле, как претворение в жизнь программы глубокой специализации и агропромышленной интеграции. Один из них отложил докторскую — и вот защищает свои научные выводы в поте лица на просторах торжокской рукотворной степи. Другой оставил благополучное, им же налаженное хозяйство и взвалил на себя непроверенное дело агропроизводственного объединения, названного «фирмой». Третий... О третьем следует рассказать подробнее, сколь это возможно в пределах жанра путевого очерка.

...На окраине Калинина стоит среди асфальта и цветов некое чудо-юдо, сотворенное новаторами: пятиэтажная экспериментальная свинофабрика. Это реализованная в бетоне, металле, стекле давнишняя мечта Героя Социалистического Труда Павла Павловича Смирнова. И его друга, дерзкого проектировщика Николая Петровича Можайцева. Вот что рассказал Смирнов:

— Фабрика, конечно, необычная. Первое впечатление у проезжающих по Ленинградскому шоссе: новый мотель «Интурист» возвел... Но эмблема на повороте удивляет — веселые поросята! Фабрика рассчитана на откорм одновременно одиннадцати тысяч двухсот свиней. Наше хозяйство откормом давно занимается. В прошлом году мы неплохо сработали, получили более семи миллионов рублей чистой прибыли. Но мысль о том, что производство свинины требует революционных преобразований, много лет не давала покоя. Хотелось максимально приблизить откорм к промышленному производству. Строили фабрику более двух лет. Это эксперимент. Мы и спешили и не спешили. Отрабатывали идею, конструкцию. Наверное, можно было все сделать и быстрее, и дешевле, и не столь металлоемко.

Мы задумали и осуществили конвейер. Принцип: не корм подавать животным, а животных — к корму, точнее, к распределителю кормов. Как? Гнать скопом? Старо. Подвозить! Да, да, подвозить животных в тележках. А тележки-клетки подвесить на движущуюся систему. И пустить их по кругу. Карусель!.. Дважды в сутки каждая клетка подходит к кормопункту на заправку (как автомобиль!) и дважды в сутки к пункту сброса отходов. И все. Ритм задан физиологией жизни и нормами откорма; следит за ритмом автоматика, копировальные устройства. Все запрограммировано. Мы долго искали оптимальные решения. Скорость конвейера с пассажирами — в каждой клетке по четыре поросенка — пять метров в минуту. И я думаю, что даже самое движение, некая приятность от него благотворно сказывается на привесах. А что! В свинарнике были? Там царят вечное беспокойство, визг, драчки. Есть типы нервные, есть хулиганствующие, да мало ли отклонений — это же стадо! Вы знаете, входит посторонний в свинарник, и тотчас поднимается тревога среди животных, но каждое такое посещение — это минус пять процентов привеса. Как же в наш век не учитывать этих пяти процентов? Нет, у нас не стадо — экипажи. Пять моделей клеток испытали, сделали шестую. Потери корма с двадцати процентов снизили до полупроцента. Все учли: состав корма, добавки (стимуляторы и витамины), режим дня, пол, возрасты. Например, взять воздухообмен. Нашли, что на производство центнера мяса надо при всех прочих компонентах сто сорок кубов свежего воздуха. И не меньше.

Итак, экспериментальная свинофабрика. Экономия земли — в десять раз, рост производительности труда — в четыре раза. Всего тридцать две минуты затрачивают на производство центнера свинины (на лучших фермах старого образца — до ста тридцати минут).

— В свое время осуществим замкнутый цикл,— поделился планами Павел Павлович.— Своя племферма. Выращивание и воспитание поросят для промышленного откорма. Откорм. А далее — цеха переработки: консервация, копчение, колбасные изделия.

Я слушал и любовался П. П. Смирновым. Передо мной был человек, который получает удовольствие от того, что работает, добивается осуществления самых дерзких планов.

Небывальщина гуляет по земле России, по земле Верхневолжья. Я видел у Молчанова поля под стеклянным небом; свиней Смирнова, жирующих на карусели; я видел на прогулке прекрасное стадо коров-пятитысячниц из «Горшихи» и торжокскую степь Новожилова, раздвинувшую леса. И Яхромскую пойму, рукотворную плантацию подмосковных мелиораторов. И сено, закатанное чудными машинами в рулоны... И все это на земле нечерноземной. Значит, будет она черноземной?

— Черной вряд ли,— отвечали мне.— Но такой же плодородной, как черноземь, обязательно. Это время не за лесами.

Далеко пробивают свои русла сильные валдайские родники.

■

Сергей Гусев — бульдозерист из «Главнечерноземводстроя». Такие парни преобразовали Яхромскую пойму.

Н. П. Малинина. Фото В. Бородина.

ВЕДЕТ

Как все началось! Говорят, что первой была Лушина, швея, она ездила в Москву на XXV съезд партии. И как адресованные лично ей, приняла слова Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева о том, что почин, рожденный в Горьком — «Ни одного отстающего рядом!»,— в настоящее время кое-где, к сожалению, забыт...

Но, может быть, это решение возникло у них — у Лушиной и Малининой — одновременно! Впрочем, так ли уж важно, кто из них первой подумал: «А почему бы нам!..» Главное в том, что горьковчанки замыслили развить этот добрый почин. Во всяком случае, именно так была поначалу сформулирована их мысль. В заявлениях, поданных в партком производственного швейного объединения «Маяк», обе Нины, Малинина и Лушина, брались перейти в самую плохую бригаду, в самый отстающий цех и вывести эти коллективы в передовые.

Партком одобрил инициативу коммунисток, и дирекция подписала приказ. Это было еще в марте, вскоре после окончания работы XXV съезда КПСС.

Как развивались события на участке, который приняла мастер Малинина в самом отстающем во всем объединении цехе — номер один!

Галина КУЛИКОВСКАЯ

ВСТРЕЧА

Девчонки не выдержали, прыснули со смеху: «И сверх того сто. Вот это да!» Нет, они не возражали, не спорили с Малининой, они просто-напросто дружно смеялись, будто услышали веселый рассказ. Особенно хихикала, подбоченившись, девица с рыжей челкой. И только скромная Лида Галкина, призывая к порядку, обронила:

— Ладно, девочки, постараемся выполнить!

И тогда вдруг заговорила немолодая уже, с седой прядью в гладких волосах женщина:

— Пришла ты к нам и предлагаешь взять высокие обязательства, чтоб сверх плана. Мы-то и с планом не справлялись. Все вы, мастера, с разбегу наобещаете златые горы, да быстро остываете. На моей памяти сменилось столько уже вас! И ты уйдешь... А нам как потом?

Малинина ничем не выдала своего волнения. Сдержала себя, только вспыхнули и тотчас же погасли искры в темных ее глазах.

Нина Прокопьевна не из тех, кого сбивает с толку незаслуженное недоверие. Девушки, вероятно, не знали о том, что Малинина, проработавшая в объединении более четверти века, уже дважды вытягивала из прорыва тяжелые бригады. Первый раз это было лет десять назад, когда она училась еще в техникуме легкой промышленности. Главный инженер, тогда им был Павел Васильевич Худяков, после оперативки предложил:

— Вот что, Нина, ты должна посмотреть четвертый цех. Плохие там дела — и с качеством и с планом. Разберись.

— Хорошо, Павел Васильевич,— давайте начнем с качества. Подключите, пожалуйста, и начальника ОТК.

Прошло несколько дней, и она доложила:

— Надо заменить трех человек, в первую очередь мастера.

И предложила сделать то-то и то-то.

— Вот ты и сделаешь,— как уже что-то решенное, сказал главный инженер.

— Почему это я? — удивилась Нина Прокопьевна.

— У тебя получится.

— А как же мой участок? Вдруг не справлюсь?

— Сможешь. Справишься. Что же касается твоего участка, то он на верном пути. Так идешь или нет? — нетерпеливо спросил он, видя ее замешательство. И чуть-чуть улыбнулся.— А то Ефросинье Афанасьевне доложу, послезавтра она приезжает.— Знал, что спорить с тогдашним директором, человеком властным и не терпящим возражений, охотников было мало.

— Ладно, ладно. Не надо ничего говорить Ефросинье Афанасьевне,— сникла Нина Прокопьевна.— Согласна.

И она стала «вытягивать». Один из мастеров сам перешел к ней в помощники. Вскоре на участке да и во всем цехе положение изменилось. И когда Худяков убедился в том, что оно стало стабильным, устойчивым, примерно через год преподнес ей очередной сюрприз: на оперативке был обнародован приказ: Малинина с такого-то числа переводится в третий цех. Нина Прокопьевна снова отказывалась, расстроилась до слез. Только привыкла к коллективу, породнилась, можно сказать, с ним, и вот на тебе: иди вперед, на новые земли. С другой стороны, рассудила: как же не идти? Она же коммунистка и должна быть там, где труднее всего!

В третьем цехе долго ее не тревожили. Участок Малининой неизменно был самым лучшим во всем объединении. Здесь она отшлифовывала свое умение руководить людьми, накапливала производственный опыт. В третьем цехе она проработала до середины марта 1976 года, до того самого дня, пока сама, по зову сердца, предварительно подготовив себе замену, не избрала новую тернистую тропу: цех номер один.

С этим цехом она была уже в какой-то степени знакома. В прошлом году, когда ее участок отдыхал — тут, при конвейерной системе производства, уходят в отпуск целыми участками,— она работала в первом цехе. Он уже тогда плелся в хвосте. И еще в ту пору Малинина обратила внимание на технологические несуразности и межоперационные сбои. Изделия по нескольку раз возвращались к одной и той же работнице. В результате на перекрестках потока возникали заторы вещей. Малинина поделилась своими впечатлениями с технологом цеха. Но ей в ответ только снисходительно, иронически улыбнулись: «Мол, не твое, дорогая гостья, это дело. Не тебе, мол, милая, меня учить»... Впоследствии с тем технологом пришлось расстаться. И вот теперь Нина Прокопьевна пришла сюда с обдуманной программой действий. Она была уверена, что участок выровняется, сможет работать не хуже, а может, и лучше других. Люди везде одинаковы, но надо раскрыть перед ними перспективу, вселить надежду в ее осуществление, суметь повести за собой. Как же плохо им тут жилось, что они потеряли всякую надежду на лучшее, утратили веру в свои силы! Сколько горечи в словах этой пожилой женщины, сейчас выступившей на собрании, это же крик души! Конечно, она, Малинина, могла бы с ходу осадить, поставить ту на место. Но пожалела ее, разговор при всех человека унизит. Сгоряча обидишь, отпугнешь работницу, а мастер не имеет права, не должен упустить ни одну из пятидесяти. Может быть, у этой пожилой женщины не ладилось что-либо в тот день и нервишки сдали? Может быть, закидывала удочку, проверяя нового мастера: не злопамятен ли, не будет ли потом мстить?

С ней Малинина поговорит потом, отдельно и спокойно...

— Я не собираюсь уходить отсюда,— твердо ответила она. И, решительно вскинув свою темнорусую, коротко остриженную голову, с улыбкой добавила: — А план будем выполнять и перевыполнять все вместе и вместе с вами,— кивнула она ей.— И с долгами разделаемся.

МЕРА ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТИ

В цех Малинина приходит за тридцать, а то и за сорок минут до начала смены. И сразу же переодевается. Вместо черных лаковых босоножек на высоком каблуке — белые устойчивые лодочки. Вместо пестрого трикотинового костюма — легкий, белый халат — из льна с лавсаном. Безукоризненно отутюженный, он ловко облегает ее крепкую фигуру. На нагрудном кармане — вышитый красными нитками силуэт волжского маяка — эмблема объединения.

Из нескольких тысяч человек, работающих на «Маяке», Малинина, пожалуй, единственная носит белый халат. Как-то у нее спросили, почему именно белый. «Ведь вы не на кондитерской фабрике и не на часовом заводе работаете, где требуется микронная точность. Производство у вас, конечно, не грязное, но и не такое уж чистое,— обрывки ниток, машинное масло, пыль. Пыль от раскроенных тканей, ватина, мехов...»

Малинина критически осмотрела свой халатик:

— Вот видите, три дня походила — и надо менять. Конечно, с белым халатом хлопотнее, зато он предъявляет к тебе повышенные требования.

В этой, казалось бы, несущественной, мимоходом оброненной фразе вся она. Надевает белый халат, оказывается, потому, что он требует особой аккуратности, как бы повышает спрос с самой себя. Быть одетой и причесанной кое-как она, мастер, не имеет права. На нее смотрят десятки пар глаз. И Малинина должна быть всегда собранна, строга и деловита. Внешний облик как бы подтягивает ее, помогает ей и в то же время напоминает: будь внимательна ко всем, ко всему, ничего не упускай из виду, ни о чем не забывай.

Вчера к трем пальто вишневого цвета пришлось пришивать черные пуговицы. Был уже поздний вечер, конец второй смены, конфекционеры ушли домой, но сейчас надо зайти к ним, проверить, правильно ли подобрана фурнитура. А потом в заготовочную секцию на раскрой ткани. Потом включить прессы и утюги, чтоб нагревались...

— Нина Прокопьевна, здравствуйте!

По лестнице поднимается молодая женщина в черном свитере и клетчатой юбке. Это Тамара Николенко, помощница Малининой, мастер заготовочной секции, недавно окончила техникум. Вот и она стала приходить на смену пораньше. Да и не только она,— многие работницы.

«Это хорошо. Беспокоятся, значит, люди о деле»,— с удовлетворением отмечает про себя Мали-

МАЛИНИНА

нина. А ведь когда она пришла сюда, низкая дисциплина труда была самой главной, но далеко не единственной бедой этого участка цеха номер один. С техническими трудностями легче бороться. Они зависят от организации производства и упорядоченности технологического процесса, а организаторского таланта и производственного опыта Малининой не занимать. В первые же дни перестроила по-своему операции, так, чтоб не было заторов, кое-какие вовсе исключила, кое-где поменяла местами оборудование. Но вот дисциплину налаживать, создать в коллективе благоприятный микроклимат труднее всего. На участке очень много молоденьких девчат, вчерашних пэтэушниц. У одной золотые руки, но ветер в голове, у другой такой гонор, что к ней никто не решает подступиться. Третья хоть и прилежна, но работает так медленно, что из-за нее отстают другие. Четвертая ленива и вовсе не хочет работать, болтает с подружками, лишь бы отсидеть положенные часы. Как им втолковать, чтобы дошло до сознания каждой: одна твоя минута — это восемь изделий, восемь пальто, или плащей, или костюмов. Именно таков ритм «Маяка». Так берегите же эти минуты!

Однако самые красивые, добрые, важные и умные слова теряют силу, если их часто повторять. Чем же увлечь, зажечь человека, чтоб работа приносила ему радость, чтобы он шел в цех как на праздник? Малинина хорошо знала, что нет и не может быть одинакового для всех средства, так же как не может быть одного лекарства от всех болезней. Главное, понять друг друга, главное — быть ближе к людям, знать их.

ЧТО У ТЕБЯ СЛУЧИЛОСЬ!

Бежали дни, и многие работницы сами пошли навстречу новому мастеру; профгрупорг Зоя Борисовна Сухова, самая квалифицированная работница — запасная Евдокия Яковлевна Карасева, Фаина Щербакова, Александра Катомина, Лида Галкина, Рая Дубровина — все они стали ее опорой. Кое-кому Малинина давала поручения, человеку важно почувствовать доверие к себе, и он разобьется в лепешку, чтобы его оправдать. А кое-кто нуждался в обыкновенной материнской заботе. Девчонки же они еще!

Вот сидит мотористка, строчит карманы. А глаза грустные-грустные. И нет-нет, смахнет слезинку.

Малинина подошла к девушке. Похвалила ее, работает она обычно быстро, только вот сегодня что-то не ладится. В чем дело? «Случилось у тебя что-нибудь?» Та молчит. Наконец: «Не могу сказать правды и солгать не могу». «Ну, тогда все понятно».

Малинина наклоняется к девушке и тихонько спрашивает: «Мальчик замешан? Угадала? Может быть, я могу помочь?»

Доверилась девушка Нине Прокопьевне. Полюбила она паренька. Хороший, серьезный. Должны были уже пожениться, но вот что-то давно не приходил...

— Может, случилось у него что-нибудь? Может, заболел? А ты возьми и съезди к нему. Все сама и узнаешь.

— Можно? Отпустите? Он же на другом конце города живет...

Через день мотористка пришла с сияющим лицом, в отличном настроении. «Все в порядке?» — заговорщически спросила Малинина. «Все в порядке, Нина Прокопьевна. Грипп у него. Так рад был мне! Спасибо вам!»

Ну, а как подступиться к той хохотунье с рыжей челкой, что хихикала на первом бригадном собрании? Назовем ее Оля Т. Все стараются обходить ее за версту. Скажи ей слово, она десять в ответ. Грубит. Сквернословит. Вот и сейчас пререкается с работницей, которая ей в бабушки годится. Малинина прислушалась,— конечно, не права Оля. «Да ты что, милая, разве можно так?» Рука мастера легла на плечо девушки.

Та даже растерялась от неожиданности: «А что такое? Еще про план начнете говорить. Да?» — не без вызова выкрикнула она, но уже без прежней задиристости в голосе. «Да!» «Чтоб сверх нормы, да?» «Да!» «Что это вы «задакали», Нина Прокопьевна?» — озадаченно спросила Оля. «А как же мне с тобой говорить: ты дакаешь, и мне приходится».

И вдруг обе, глядя друг другу в глаза, рассмеялись. А Малинина меж тем еще крепче обняла девушку за плечи. И почувствовала, как та обмякла, поддалась... Уже знала про нее: мать умерла, отец алкоголик.

— И про план в том числе, Олечка, будем говорить. И про тебя. Вот ты задумала увольняться. Я бы на твоем месте не рвалась. Заработки здесь хорошие, работа чистая. Я тебе как дочери советую: не дури!..

Пройдет время, и эта самая своевольная на участке работница признается:

— Удивляюсь, никто до вас не выдерживал меня, не решался со мной связываться. А вот вы разговариваете, Нина Прокопьевна, можете говорить со мной о чем угодно, на любую тему, и мне интересно.

Оле Т. стало интересно! Ее привлекла, расположила к себе, вела за собой эта напористая, энергичная женщина, которая находила для нее, для каждой из них нужные слова. И Оля уже не могла безразлично относиться к той работе, которую ей мастер поручал. Она старалась выполнить ее как можно тщательнее, быстрее. И уже сама говорила: ведь мы не какие-то там ватники шьем, шьем зимние пальто «ВК» — высшего качества. А меха-то какие — песцы и чернобурки, каракуль и норки! Надо, чтоб красивые пальто были! Так теперь размышляла Оля. И как же она была рада первому поручению мастера! На праздник, в День работника легкой промышленности, предоставили участку путевки — прогулка по Волге на теплоходе. «Вот тебе, Оля, тринадцать билетов. Ты как страхделегат составь список, кто, по-твоему, должен поехать». Девушка серьезно отнеслась к этому на первый взгляд нехитрому поручению. Советовалась с групкомсоргом и профоргом, разговаривала с работницами, кто из них сможет поехать, ведь у многих семьи, дети, мало ли какие дома дела. И когда бригада придет к первой своей победе, получит за выполнение обязательств первую премию, Малинина именно ей, Оле, доверит распределять эту премию.

И еще один факт из жизни Оли: когда она уходила в отпуск, фабком предоставил ей бесплатную туристическую путевку на Кавказ.

БЕЙ ТРЕВОГУ!

Кажется, ну что тут особенного? Просто в этом месте строчка более редкая, на сантиметр легло не пять-шесть стежков или колков, как их тут называют, а всего три. Тем более, что и строчка не отделочная, не внешняя, ее вовсе-то и не видно, внутренний шов. Тем не менее мотористка всполошилась, доложила об этом мастеру. Но ведь чем реже строчка, тем менее прочен в этом месте шов, в носке может разойтись. Малинина тут же заспешила на заготовочное отделение к Тане Махминой и Рае Дубровиной.

— Девочки, что это у вас получилось? Как же это вы не доглядели? Придется перестрочить.

Раньше, до прихода на участок Малининой, этому незаметному шовчику никто бы не придал значения. Расплачивалась бы задним числом покупательница, недобрым словом поминая мастериц «Маяка». Раньше обращали внимание прежде всего на крупные дефекты,— и их было предостаточно. Контролеры возвращали изделия на доработку к концу смены, и в бригаде поднималась паника: никто не хотел оставаться сверхурочно, исправлять, да и надо было освобождать место другой смене. Изо дня в день «незавершенка» накапливалась и исчислялась уже не единицами, а многими десятками несданных вещей. Иные мастера смотрят на это сквозь пальцы: а что тут придумаешь?

Малинина придумала. Вот какую задачу поставила она перед своей женской командой: «Принял работу — проверь! Прежде, чем начать свою операцию, посмотри, как выполнена предыдущая. И если плохо — скажи соседке, зови мастера или технолога, бей тревогу!». Посыл у нее был правильный. Ведь трудно предположить, что человек умышленно сделал брак,— чаще всего по своей неопытности или рассеянности: в тот момент он не замечал его, а если и заметил, то мог подумать: «Авось, сойдет». Значит, нужен непрерывный пооперационный контроль по всему циклу. Кое-кто, однако, не сразу понял или не хотел понимать мастера.

— Очень мне нужно бить тревогу! Что же, это я, выходит, должна тратить свое рабочее время на проверку?

— Ее работа, пусть сама и отвечает. Мне наплевать...

Поддержка пришла с неожиданной стороны.

— Ой, что-то быстренько мы забыли про «незавершенку». Как бы нам снова в долги не влезть! — степенно начала та самая пожилая женщина с белой прядью в темных поредевших волосах, которая так недружелюбно, в штыки встретила Малинину на первом собрании.— Мастер дело говорит. Легче проверять друг дружку, чем потом всем вместе маяться...

Малинина слушала ее с благодарностью.

С тех пор так и повелось: каждая работница стала вроде бы и контролером. А Малинина все ломала голову над тем, как усилить контроль на последнем этапе, перед сдачей в ОТК. И нашла выход: решила ликвидировать одну операцию, высвободив рабочую единицу. На это место мастер поставила опытную приемщицу Зою Борисовну Сухову, которая окончательно выверяет уже готовые изделия и, если потребуется, доводит их до кондиции: и подутюжит и выправит. Так появился на участке еще один строгий глаз, свой бригадный контроль.

ГОСТИ

Результаты больших перемен на участке цеха № 1 не замедлили сказаться. Бригада не только погасила свою задолженность, но и, набирая темп, начала сдавать продукцию сверх плана.

Еще в первых числах июня в бригаду Малининой зачастили гости. Сначала свои, из других цехов, фабкома и парткома, потом из района. Из райкома партии приехала Алевтина Григорьевна Козерова. Она сама работала не так давно на «Маяке», хорошо знала Малинину, одно время была ее сменщицей, таким же мастером, как и она, и вот теперь хотела выяснить, как им все это удалось. Ведь их опыт должен стать достоянием всего района.

Козерова и Малинина сидели с карандашами в руках и подсчитывали по месяцам: все правильно! Дневное задание — девяносто шесть пальто. Если делать по два пальто сверх плана в день, то можно наверстать упущенное. А бригада Малининой сдавала и по три и по четыре пальто сверх плана. Девочки старались. Наконец-то после стольких месяцев отставания вырвались на простор.

В течение девяти месяцев — первое место! — и можно готовить чемоданы: по условиям соревнования в объединении бригада-победительница премируется поездкой в столицу в полном составе на четыре дня. В девятой пятилетке Малинина со своими девушками из цеха № 3 трижды ездила в Москву...

Когда мастер подвела бригаду к новому рубежу — закончить план 1976 года 28 декабря и к 60-летию Октября дать два годовых плана, — никто уже не сомневался в реальности этих обязательств, как было на первом собрании. Коллектив поверил в Малинину, в свои силы.

ЧАЙКА!

Стол Зои Ивановны Селезневой большой, квадратный, покрытый пластиком, стоит у окна. Окно распахнуто настежь. Ветер шевелит розовые занавески. А за окном такая благодать, что глаз не отвести. Величаво подплывают к причалам «Ракеты», раскачивается на волнах оранжевый буй, ныряют чайки. А еще дальше за окской, серебрящейся под солнцем ширью — осеннее раздолье. Но Зое Ивановне некогда любоваться этой красотой, ее ждут пальто. Вон их сколько, готовых! Всех цветов и всех фасонов. Селезнева — контролер ОТК. Работать ей теперь намного легче. Не приходится ссориться, как бывало, с мастером, доказывая, что тут явный брак, не приходится возвращать на переделку...

— Не узнаю девчат, — говорит она. — Будто их подменили...

Справа от Селезневой, в углу, притулился стол мастера. Но он почти всегда пустует. Только в начале смены здесь можно найти Малинину, когда она заполняет рабочую ведомость. Что и говорить — участок для мастера самый неудобный, хуже не бывает. В цехе, где она раньше работала, вся бригада была у нее перед глазами, как на экране. А тут участок разбит на две части, в разных концах здания. От заготовочной секции до отделочной — «полоса отчуждения» метров сто и лестничная площадка. И ничего не поделаешь, здание старое-престарое, принадлежало когда-то Бугрову, нижегородскому купцу и вовсе не приспособлено для размещения в нем промышленного предприятия.

Зоя Ивановна сокрушается: «Сколько же километров приходится мастеру набегать за день! А она ведь такая, что и десяти минут не посидит на месте. Только к концу смены, особенно когда в вечернюю работаем, присядет, снимет туфли и вздохнет: «Ох, ноги-то мои, ноги!» Но тут же что-то вспомнит и снова заторопится. Будто не ноги у нее, а крылья. И в самом деле, она, можно сказать, не ходит, а летает в своем белом халате. Не женщина — чайка. Только что сидела тут, советовалась о чем-то со своим профгрупоргом Зоей Суховой. И вот уже нет — «улетела».

Не успела Селезнева и трех пальто просмотреть, как Малинина уже возвращалась с заготовочного участка.

— Знаешь, Зоя, звонили сейчас от главного механика. — Глаза Нины Прокопьевны искрились. — Во время нашего отпуска, говорят, сделают перестройку. Отделочное отделение перенесут к заготовочному, в одну линию.

— Молодец! — восхищенно откликнулась Селезнева. — Добилась! Теперь будет нам полегче...

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Мы любим смотреть кино, разглядывать фотографии популярных актеров, узнавать в газетах подробности о жизни и творчестве известного кинорежиссера, о съемках того или иного фильма. Мы, зрители, предъявляем высокие требования к новым кинолентам и нередко бываем недовольны. Особенно кинокомедиями. В таких случаях начинаем вспоминать старые, самые любимые: «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга» — вот, мол, делали же раньше... Но редко задумываемся: а что же скрывается за этим «раньше», как вообще родилась радостная, смешная и смелая, умная и трогательная — наша — комедия, которая, в один прекрасный день появившись на киноэкранах мира, завоевала его...

И вот создатель вышеупомянутых комедий народный артист СССР, профессор, Герой Социалистического Труда режиссер Григорий Васильевич Александров решил рассказать нам об этом в своей книге «Эпоха и кино». И, думаю, тысячи советских читателей будут за это благодарны ему.

Бесконечно интересная, талантливая и — это немаловажно — остроумная личность стоит за каждой строкой книги. Большая и содержательная, выдающаяся — полная поисков, находок и открытий — человеческая жизнь проходит перед нами. И вместе с ней неразрывно жизнь всей страны, целого поколения, выросшего и сформировавшегося в годы ломки отжившего, но отчаянно сопротивлявшегося мира, в годы строительства всего нового, доселе не изведанного.

Первые трудные шаги советского киноискусства, первые неудачи молодых экспериментаторов, первые успехи и достижения. Первые фильмы, отображающие жизнь революционных масс: «Броненосец «Потемкин», «Октябрь» — и киноленты, где главным предметом исследования становится жизнь личности, характер человека: трилогия о Максиме, «Чапаев»... Встречи с выдающимися государственными деятелями, направлявшими поиски начинающих кинематографистов, — М. И. Калининым, И. В. Сталиным, С. М. Кировым... Даже конспективно невозможно перечислить и охватить всю ту массу новой и уже исторической для многих из нас, живой информации, которой делится с читателями автор книги «Эпоха и кино».

Мы близко знакомимся с Сергеем Эйзенштейном и Иваном Пырьевым, Чарли Чаплином и Уолтом Диснеем, Максимом Горьким и Александром Довженко... Мы сами живем необычайно насыщенной, яркой жизнью кинорежиссера — настолько осязаемы образы, лица, характеры людей, чья жизнь — тоже целая эпоха.

Незабываема в этой книге встреча читателей с Любовью Петровной Орловой. Более сорока лет совместного творчества с великой актрисой позволили Г. В. Александрову с особой теплотой и задушевностью, с интереснейшими подробностями описать каждодневный подвиг актрисы, отдавшей служению искусству, народу всю свою жизнь. Не всякий знает, например, как досконально, можно сказать, научно исследовала Орлова личность каждой будущей своей героини. Перед съемками фильма «Светлый путь» Любовь Петровна получила даже квалификацию ткачихи, проведя на фабрике несколько месяцев...

«Эпоха и кино» — это не только воспоминания о пережитом. Режиссер рассказывает историю возникновения сюжетов и создания сценариев известных всем кинокомедий, поворачивая при этом их к нам особой — до сих пор скрытой от глаз непосвященных — гранью, увиденной и найденной подлинным художником-новатором. «Эпоха и кино» — это рассказ о секретах мастерства, накапливаемого годами, передача своего опыта молодым. Это раздумья о достижениях кино последних лет.

Разумеется, нельзя искать тут готовые «рецепты», как делать хорошую кинокомедию. Режиссер и не может их дать, поскольку всем своим творчеством убеждает, что неудержимое течение времени, жизни постоянно требует от искусства поисков новых форм, новых тем. Именно это и является главным в работе Г. В. Александрова.

«...Верно выбрать актуальный жизненный материал и засучив рукава приступить к работе», — как бы подводит итоги автор. И намечает дальнейший путь.

Н. АЛЕКСЕЕВА

Г. Александров. «Эпоха и кино». М., Политиздат, 1976, 288 стр.

ЧУВСТВО ВРЕМЕНИ

Недаром в подзаголовке книги Н. Брауна «К вершине века» так точно обозначены временные рамки. Сборник вышел в свет после смерти поэта, в него включены стихи, написанные в семидесятых годах. Эти годы уже близки к вершине века, к времени обобщения и итогов. Человек неотрывен ни от прошлого, ни от грядущего. Опыт века, более того, веков в большей или меньшей степени в каждом из нас, точно так же, как каждый из нас в большей или меньшей степени предчувствует будущее. Поэтому так поразительно символично в книге Николая Брауна звучат строчки — воспоминание об одной из весен детства, об огромной, тогда еще будущей жизни:

Я, как с плывущей тучи,
Как из объятий сна,
Падаю с зимней кручи
В руки твои, весна!

. . . .

Облачко входит в просинь.
Кто я?
Еще — никто.
Сколько мне лет?
Восемь.
Сколько веков?
Сто!

После этой звенящей весны прошло немало лет. Войны, лихолетья — множество перевалов пришлось преодолеть в своей долгой судьбе почти ровеснику века. С годами стало острее чувство времени, но все же завтрашний день всегда продолжал казаться поэту лучше вчерашнего. Прекрасное мгновение не надо останавливать уже потому, что следующий миг будет дороже и лучше предыдущего. Эту мысль утверждал в своей поэзии Н. Браун.

Не только свой собственный опыт помнит человек, но и опыт предшествующих поколений, веков, которые ставили свои «вехи к свету». Они проникают из прошлого в грядущее. Такой вехой, говорит поэт, была, например, песня, которую слушал когда-то Тургенев в Колотовке. Николай Браун в стихотворении «Певцы» как бы сливает впечатление от рассказа Тургенева со своим собственным чувством: он как будто слышит эту песню и старается ее продолжить. Он пишет о шири лесов и полей России, о ледоходах и лунных ночах.

И есть еще одна тема, которая была органична для поэзии Николая Брауна: назначение поэта на земле. «К делу поэта» относился Н. Браун с величайшей, можно сказать, трепетной строгостью:

Хочу, чтоб море слов
светилось
Не только пеною волны,
Но чтобы мне оно открылось
Всем донным гулом глубины.

Гармонии слова и смысла он учился у классиков, но с особенной теплотой хранил дружбу поэтов-современников — А. Прокофьева, П. Антокольского, Р. Гамзатова. Н. Браун посвятил им немало искренних строк, понимая и ценя творчество своих друзей. Вот, например, строчки, обращенные к Александру Прокофьеву:

Но отраднее радуг
Со страниц твоих книг
Слово ладожским ладом
Окликает живых.

Чувствовать пульс жизни, уметь в неприметном видеть глубинное, чужую боль ощущать своей — таково, считал Н. Браун, назначение поэтического слова.

Н. ТУРЕНКО

Николай Браун. К вершине века. Новые стихи 1968—1973. Л., «Советский писатель», 1975, 152 стр.

ШАГ К ПОНИМАНИЮ

Ия МЕСХИ

Еду в Чебоксары. В сумке моей лежит письмо, присланное в журнал «Огонек», которое заканчивается словами: «Пишу для того, чтобы инвалиды получали все то, на что имеют право...»

С поезда иду в местную газету «Советская Чувашия»: коллеги обещают дать редакционный «газик». Отправляюсь по Ульяновскому тракту в путь.

Я увидела глубинный чувашский край в его прекрасную, предосеннюю пору. И тихую речку Цивиль, и славный городок Канаш, и ярко расписанные фасады в чистеньких чувашских и татарских деревеньках. Дорога то, как стрела, прямая, то в гору, то под гору. По обе стороны то сплошная стена лесов, то вдруг волнистые равнины, и где-то там, на холмах, как на крыльях гигантской птицы, тоже лесные оперения. Леса изумительные, неправдоподобной густоты и сочности красок. Всюду у дороги заботливые руки лесничих и скамью для отдыха сбили и вагончик-курилку вдали от деревьев поставили: кури, мол, только здесь, не подвергай лес опасности!

Наконец деревня Старые Высли. Стоит она в низинке под горой. У серой ветлы, раздвоенной в виде арфы, старый дом Николая Федоровича Мурзаева.

И вдруг смущение, неподдельное, но непонятное смущение... Николай Федорович, рослый мужчина в очках, в хорошо отутюженной белой сорочке, делает какие-то неловкие зигзаги по комнате, рассеянно улыбается. Нина Ивановна, его супруга, звеня посудой за занавеской (готовится в кухоньке кофе для гостей!), подает оттуда сердитые реплики. Взрослая их дочь вообще уходит в дальние покои. Но вот после первых сумбурных фраз начинает вырисовываться что-то ясное.

Словом, так: старовыслинский житель Николай Федорович Мурзаев написал в Министерство социального обеспечения Чувашской АССР заявление о том, что ему нужен биоточный протез руки, а посему просьба направить в протезно-ортопедическое предприятие города Горького гарантийное письмо, без которого протез изготавливать не будут. Спустя некоторое время он получил из министерства ответ: «На Ваше заявление и т. д. и т. п. ...Вам необходимо представить в наш адрес характеристику с места работы. Заместитель министра Б. Г. Кореньков».

И Николай Федорович вспыхнул как спичка. Какая характеристика с места работы?! Человек лишился руки в бою, защищая Родину, а они — характеристику! Или протез дается как поощрение? Или хотят начать волокиту? Так я объявляю: не нужен мне ваш протез, не нужно ваше одолжение! Так написал Б. Г. Коренькову. И то же — в «Огонек». Писал Мурзаев и о том, как больно знать, что люди в деревне за глаза называют тебя «чалах Миккуль», то есть «калека Николай», и о прочих «мелочах ранимой души».

От такого письма Борису Гавриловичу Коренькову (с ним я повидалась уже после Старых Выслей), бывшему фронтовику, дважды тяжело раненному, четырежды награжденному, стало не по себе. Ему-то понятна обида старого солдата! Но он, государственный человек, должен знать, кому оказывать помощь, потому что биоточный протез пока еще очень дорогой — он стоит 720 рублей,— и здесь необходим отбор по принципу профессиональной необходимости. Мурзаев же в своем первом письме ни словечка не сказал о себе. Даже о том, что воевал. Да, ведь и бывшие воины тоже ведут себя по-разному, нельзя все списывать на войну... А тут еще министерство находилось под впечатлением длительной тяжбы с неким молодым пьянчугой, который уже однажды получил биоточный протез и сломал его по пьяной драке, и, поехав в Горький, самочинно заказал себе новый от имени чувашского Министерства социального обеспечения. Горьковские протезисты изготовили, а министерство отказалось платить — решило оплачивать только ремонт старого. С тех пор и договорились выполнять заказ лишь строго по гарантийному письму и при этом знать, кому оказывается помощь.

— Конечно, надо было сделать все это поделикатнее,— сокрушался Кореньков после взволнованного мурзаевского письма.— У нас есть свой аппарат в районах, можно было не травмировать Мурзаева канцелярщиной.

И заместитель министра объяснился с Мурзаевым.

Тем временем в Старых Выслях тоже шли свои переживания. Нина Ивановна, не одобрявшая поступка мужа, теперь еще сильнее корила его:

— Как же так, Николай? Что с тобой случилось? Никогда ты не жаловался никому, не писал никаких таких писем. Помнишь, как мы начинали?

Николай Федорович помнил. Все хорошо помнил. Вся жизнь его прошла здесь, в этом старом, отцовском чувашском доме. Отсюда он бегал в школу, в другую деревню. В Старых Выслях тогда еще не было средней школы. А знаете, что такое школа для этих мест? Именно на нее в гражданскую войну ринулось кулачье и перерезало всех собравшихся там комсомольцев. В память о погибших и назван весь этот район Комсомольским. И к школе отношение особое, священное...

Вот Николай Мурзаев, вернувшись домой после боев под Ленинградом, где он оставил свою руку, и затаил мечту стать учителем. Но сначала, работая в колхозе кладовщиком, научился писать левой рукой. Упорством и терпением достиг совершенства. Поступил в Чебоксарский учительский институт и вернулся в Высли учителем физики. Вернулся вместе с Ниной Ивановной, учительницей биологии.

В начале 50-х годов в Старых Выслях не было электричества, и Мурзаев сработал на крыше школы ветряной двигатель. В школе появился свет, радио, появился физический кабинет. Николай Федорович мастерил все приборы сам. Да еще, решив, что учительского института мало, окончил заочно физмат пединститута. А Нина Ивановна копалась с ребятами на пришкольном участке. И незаметно росли их дети — трое детей. Надо было и в доме создать уют, и за коровой ухаживать, и сено косить. Инвалид войны с помощью рабочего протеза действовал рубанком, молотком, косой. Всегда веселый, неутомимый.

Теперь-то он заслуженный учитель республики, директор средней школы. Теперь в селе у всех светло: высоковольтная линия пришла. И автобусы ходят в райцентр. И дочка Мира уже окончила пединститут и тоже вернулась в Старые Выслы преподавать биологию.

А протезы? Протезы, конечно, вещь невеселая. Сменил их штук пятнадцать. Среди них и биоточные (высший класс!), у которых движения искусственных пальцев управляются с помощью специального электрического устройства.

Пятнадцать рук на одну, искалеченную! Тысячи рублей из сотен миллионов, выделяемых государством на помощь инвалидам! Поездки в разные города, где есть протезные мастерские, ремонт домашний и ремонт у специалистов, нервотрепка, бессонные ночи, горькие мысли... А что делать? Кто виноват? На кого сердиться? На войну, на нее, проклятую...

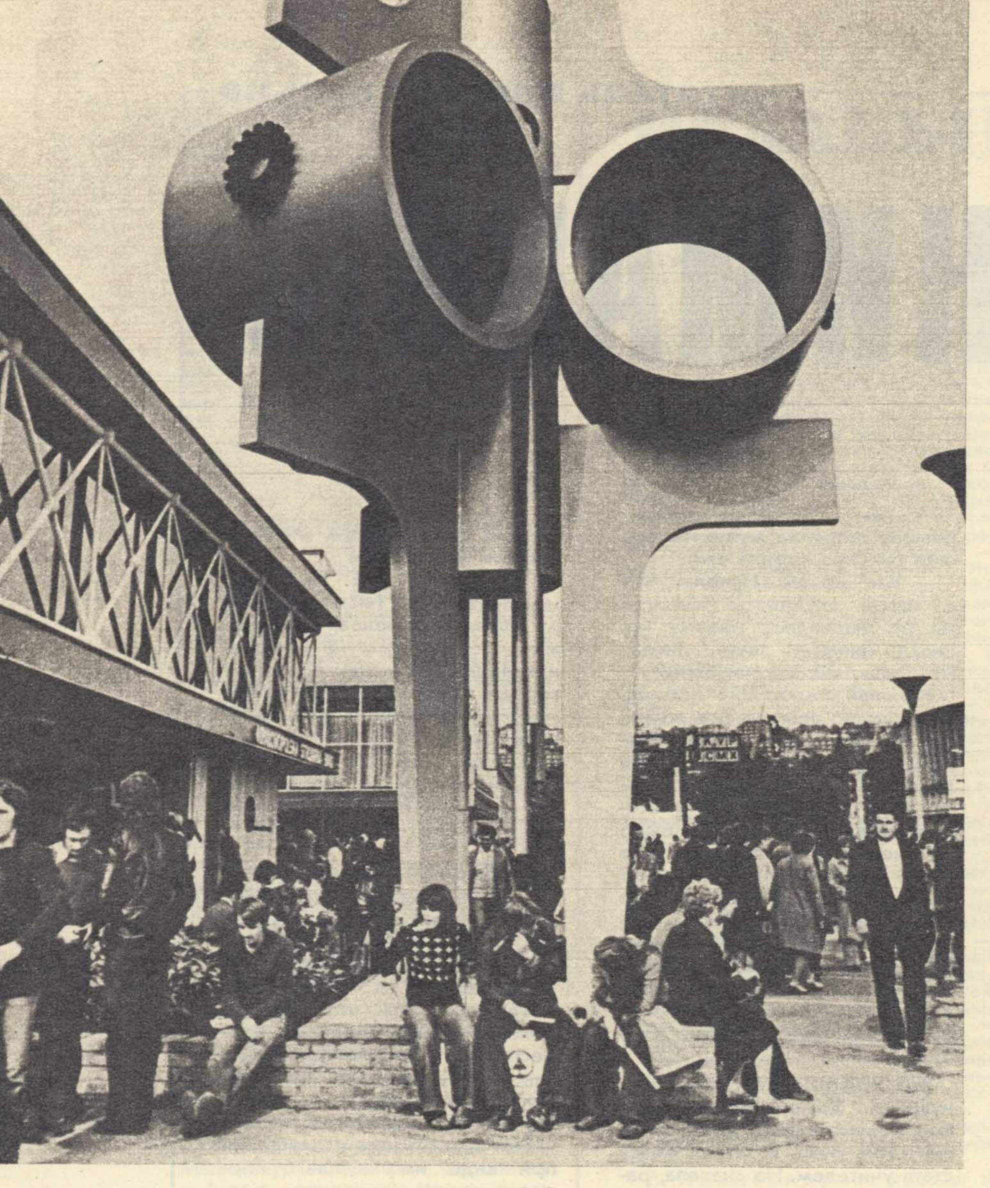
И стало Николаю Федоровичу очень неловко, что взорвался и написал такое гневное письмо. Он даже поехал в город Канаш, на телеграф, и дал телеграмму в редакцию «Огонька» о том, что, мол, необходимость в приезде корреспондента отпала. Да только канашская телеграфистка исказила текст, и телеграмма прозвучала как еще более настойчивый зов. Отсюда и смущение при виде нагрянувшего корреспондента и сердитые реплики Нины Ивановны: «Ах, сколько ненужных беспокойств!»

А я думаю, что нужных, даже очень нужных. Это хорошо, что, приехав в Выслли, я узнала интересного человека, посмотрела, чего только не смастерили в школе и дома (вплоть до шкафов и стульев!) его руки. Все это хорошо. Но почему я все же утруждаю читателя рассказом об этой истории с благополучным концом?

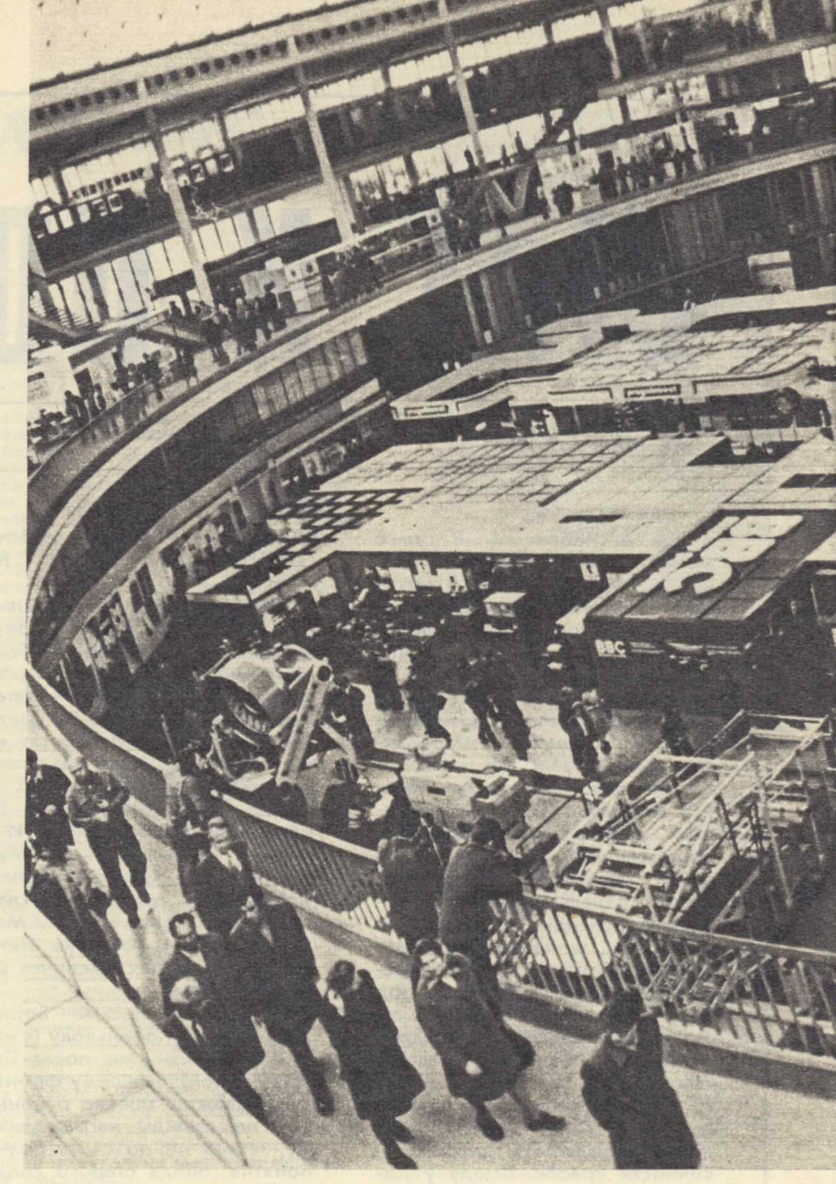
Для того, наверно, чтоб не спешили люди отписаться под копирку железными формулировками, а постарались увидеть в другом человеке человека, особенно если он пострадал на войне. Для того, чтобы не торопились вспыхивать, не отдавали себя во власть эмоций, а умели бы взглянуть на дело и со стороны.

Не прояви Борис Гаврилович Кореньков понимания своего неловкого шага, не пойми Николай Федорович Мурзаев, что забота о нем истинная и права его защищены, вся эта история могла бы превратиться в тяжелую склоку, каких немало путается под ногами нашего напряженно шагающего времени.

А ведь так мало нужно иной раз для ликвидации назревающего конфликта — один шаг, один маленький шажок, сделанный вовремя и исполненный уважения, понимания, деликатности.

Техника глазами скульптора.

В павильоне ярмарки.

ТРАКТО

Ю. ЛУШИН,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

Я иду по ярмарке. Ее полное название — 18-я Международная машиностроительная ярмарка в Брно. Меня окружают стада машин — целая армия роботов. Кажется, они умеют все — пилить дрова и строить дороги, летать и пробираться в глубь земли, прясть пряжу и резать металл, нестись со страшной скоростью и ползти, поднимать грузы и откачивать воду, измерять детали с микронной точностью, сеять и убирать хлеб, шить платья и упаковывать их.

Есть среди них настоящие универсалы, как, например, ленинградский трактор «К-701», способный работать почти за три десятка машин — только успевай менять ему оснастку. Есть, наоборот, узкие специалисты. Они так хорошо делают свое дело, что жюри ярмарки наградило их золотыми медалями, например свеклоуборочный комбайн «КС-6». Кстати, машиностроители из Тернополя, сделавшие «КС-6», работали в тесном контакте с коллегами из ГДР и Болгарии. Это лишь один пример социалистической экономической интеграции. Тут, на ярмарке, их множество. Внешнеторговые объединения братских стран социализма сформировали из 64 станков, производимых в Болгарии, Польше, Венгрии, ГДР, Советском Союзе и Чехословакии, своего рода технологические линии. Они дают яркое представление о внедрении в производство в странах — членах СЭВ машин прогрессивных типов и наглядно демонстрируют преимущества международного социалистического разделения труда. Продукция машиностроения из этих стран получила более половины из 40 золотых медалей.

Ярмарка — это грандиозный прилавок длиной, наверное, не в один десяток километров. Здесь подписывались контракты на тысячи и миллионы крон, рублей, злотых, форинтов, марок, долларов. Как воплощаются в жизнь эти контракты?

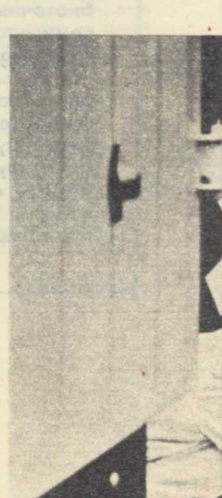
— Вот пример,— говорит Евгений Тарасович Ковалев, директор советской экспозиции на ярмарке в Брно.— Не так давно в Ростове-на-Дону чехословацкие представители передали жителям города шеститысячный трамвай, поставленный в СССР.

— Такого количества вагонов,— добавил представитель фирмы «Прагоинвест» Йозеф Черны,— не получал ни один заказчик в мире. Это не только успех машиностроения ЧССР, это образец плодотворного сотрудничества братских стран.

Реклама.

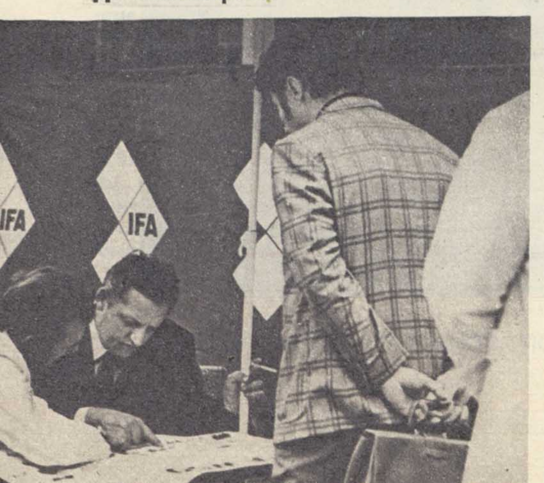

Р НА... ПРИЛАВКЕ

Золотой медалист — советский свеклоуборочный комбайн «КС-6»

Деловая встреча.

Одна из золотых наград, присужденных советским экспонатам.

Дискуссия у прилавка.

В автомобилях понимают все.

БРЮЛЛОВ В ИТАЛИИ — НОВЫЕ НАХОДКИ

Иван БОЧАРОВ,

Юлия ГЛУШАКОВА

Летом 1823 года в колонии русских художников, живших в Риме, где они изучали классическое искусство Италии и совершенствовали мастерство, появился новый живописец, приехавший из Петербурга. Это был невысокого роста молодой человек с красивыми вьющимися волосами, тонким, одухотворенным лицом. Со многими русскими старожилами Рима из числа художников он встретился как со старыми знакомыми, ибо знал их давно по совместной учебе в петербургской Академии художеств; другие очень быстро стали его друзьями, покорившись обаянию общительного и веселого характера, сразу признав в нем редкое живописное дарование и зрелое, несмотря на молодость, мастерство.

Звали молодого художника Карл Брюллов. Вместе с братом Александром, архитектором, он был направлен за границу русским Обществом поощрения художников, которое выплачивало им стипендию, или, как тогда говорили, пенсию. С первых дней жизни в Риме Карл Брюллов с присущим ему фанатизмом накинулся на работу. Он пишет копии с картин художников Возрождения, этюды с натуры, внимательно изучает богатейшее классическое наследие Рима. Вскоре Карл Брюллов отправляет свою первую работу в Петербург на одобрение Общества поощрения художников. Картина называется «Итальянское утро»: молодая итальянка умывается у фонтана на фоне яркой южной зелени, пронизанной солнцем. Видимо, не без влияния С. Щедрина Брюллов осуществляет в этом этюде пленэрный эксперимент, который ему полностью удается. Общество присылает восторженный отзыв на картину.

Но пройдет много времени, пока он сочтет себя созревшим для большого полотна, которое позволит во всей полноте выразиться его мастерству и таланту. Это будет «Последний день Помпеи», картина, завершенная в 1833 году, через десять лет после приезда художника в Италию. В том же году она была показана на Миланской художественной выставке, вызвав целый шквал восторженных откликов.

По свидетельству художника Г. Г. Гагарина, сына русского посланника в Риме, «успех картины... можно сказать, единственный, какой когда-либо встречается в жизни художников. Это великое произведение вызвало в Италии безграничный энтузиазм. Города, где картина была выставлена, устраивали художнику торжественные приемы; ему посвящали стихотворения, его носили по улицам с музыкой, цветами и факелами... Везде его принимали с почетом как общеизвестного, торжествующего гения, всеми понятого и оцененного».

В конце 1835 года он возвращается в Россию. Закончился первый период его пребывания в Италии, длившийся более двенадцати лет.

В Италии осталось немало работ Брюллова: живописных полотен, акварелей, рисунков, находящихся теперь в частных собраниях, в музеях и картинных галереях. Наиболее крупную и ценную коллекцию произведений художника нам удалось обнаружить у наследников римских друзей Брюллова Анджело и Винченцо Титтони. Об этом подробно рассказывалось на страницах «Огонька» № 33 за 1972 год.

Но в коллекции Титтони в основном представлены работы Брюллова последних лет его жизни — с 1850 по 1852 год. Между тем не меньшего внимания заслуживают произведения, созданные между 1823 и 1835 годами. По переписке художника и свидетельствам его современников известно о существовании таких работ, хотя многие из них никогда не воспроизводились в печати и их местонахождение не было известно.

Биографы Брюллова давно установили, что во время пребывания в Болонье в 1833 году, куда художник был приглашен для выполнения копии со «Св. Цецилии» Рафаэля, он занимался и другими работами. Русский гравер Федор Иордан, заезжавший в 1833 году в Болонью по пути в Рим, рассказывает в своих мемуарах, что «К. П. Брюллова уважали в Болонье, как некогда Рафаэля в Риме, его сопровождали всегда знакомые и художники, хватали каждое его слово... Когда он пожелал начать писать копию с Рафаэля «Св. Цецилия», ему отвели особый кабинет, сняли оригинал, чего не делали ни для кого другого...». Известно было и то, что в Болонье Брюллов написал ряд портретов, в том числе портрет скульптора Чинчиннато Баруцци, но о судьбе этого произведения советские исследователи сведений не имели.

Мы обнаружили, что портрет Баруцци давно уже украшает муниципальный музей города Болоньи. Выполненный в сдержанных тонах, этот небольшой овальный портрет относится к числу лучших работ Брюллова и по технике исполнения и по глубине и тонкости психологической характеристики. Баруцци, подчеркивая род своих занятий, держит в руке резец, справа от его лица, в глубине темного фона эскиз женской статуи — работа, видимо, самого болонского скульптора. Наличие этих предметов вызвано отнюдь не неспособностью художника до конца освободиться от влияния неоклассицизма, а стремлением возвысить, романтизировать образ. Ведь недаром Брюллов любил писать портреты людей искусства и науки: они были ему сродни. Он умел уловить и передать вдохновение, душевное волнение, творческое горение, приобщить зрителя к тайне рождения нового художественного образа или смелой научной мысли, показать всемогущую силу человеческого интеллекта. Он изобразил энергичного, полного сил человека в момент наивысшего творческого подъема. Взгляд скульптора отсутствующий, хотя и устремлен на зрителя. Он ничего не видит перед собой, поглощенный работой мысли и воображения. Портрет «служителя муз» создан чисто живописными средствами, которые делают необязательным присутствие символов его искусства. Пластика лица и руки, держащей резец, строгость колорита и почти графическое использование приема светотени создают впечатление, что живописец бросает вызов скульптору, добиваясь своим великолепным мастерством максимального эффекта объемности изображения.

Близок по манере исполнения и портрет миланского скульптора Иньяцио Фумагалли, написанный Брюлловым в 1834 году. Эта работа принадлежит сейчас Миланской академии Брера, профессором и ученым секретарем которой был Фумагалли. Несмотря на то, что портрет находится в довольно плохом состоянии, он свидетельствует о замечательном даровании Брюллова-портретиста, о необыкновенном умении художника отыскать в человеке свое, неповторимое, глубоко индивидуальное. На портрете — Фумагалли не только художник, наделенный тонким чувством прекрасного, но и человек с большим жизненным опытом, мудрый наставник и педагог.

В Миланской галерее современного искусства хранится небольшой холст Брюллова «Одалиска». Вероятно, он относится к первому периоду пребывания художника в Италии и отражает эпикурейское восприятие жизни, которое было присуще некоторым его жанровым работам того периода.

Намного более трудными являются поиски произведений, которые находятся в частных собраниях. Нередко это требует большой предварительной исследовательской работы и тем не менее часто оканчивается неудачами. Все приходится начинать заново, и нет уверенности, что вновь не встретится какое-либо препятствие, неожиданно обрывающее нить в момент, когда разыскания, казалось бы, должны были увенчаться успехом...

В городке Тиволи, который русские художники очень любили за его живописные водопады, работал и Карл Брюллов. Как-то, видимо, в ожидании обеда, он набросал на стене трактира при гостинице портреты своих русских коллег. Рисунки оказались настолько удачными, что, по преданию, англичане хотели купить у хозяев трактира этот кусок стены и увезти к себе на родину.

Во всяком случае, в 1839 году, когда историк М. Погодин был в Италии, Гоголь возил его в Тиволи и показывал ему в числе прочих достопримечательностей «десяток голов, начерченных Брюлловым углем на стене. С гордостью посмотрели мы,— рассказывает Погодин в путевых записках,— на эти причудливые черты нашего славного мастера».

Поехали и мы в Тиволи — отыскивать знаменитый трактир. Зашли в одну, другую старую гостиницу с тратториями, но оказалось, что они построены позднее того времени, когда в живописном городке писал молодой Брюллов. Оставался еще один старый ресторан, расположенный около древнеримского храма Весты, или Сибиллы, как его часто именуют в Тиволи. По узкой виа делла Сибилла, стиснутой почерневшими от времени каменными строениями, двинулись в гору, где на краю головокружительного обрыва стоит беломраморный храм. Уже одного взгляда на долину, где шумят потоки знаменитых водопадов, было достаточно, чтобы убедиться: на этот раз мы у цели. Виды долины и водопада нам были хорошо знакомы по известным работам Сильвестра Щедрина. Он, несомненно, работал в тени колонн храма Весты, «сочиняя» пейзажи Тиволи,— только здесь угол зрения на долину совпадал с углом зрения художника...

Наружные стены ресторана, такие же замшелые, как и окружающие дома, вселили в нас надежду на успех. Но внутренние помещения жестоко разочаровали. В старинном ресторане все сверкало чистотой и пахло свежей краской после недавно проведенного ремонта. Стены были заново оштукатурены и покрыты густой темно-красной охрой. Маляры пощадили только часть росписи потолка с растительным орнаментом. Наши попытки узнать у официантов и хозяйки заведения, весьма надменной дамы с пышной копной блестяще-черных волос, не было ли на стенах до ремонта других росписей или рисунков, ни к чему не привели. И официанты и хозяйка твердили, даже не выслушав нас до конца, что никаких изображений на стенах не было. Не потому ли, мелькнула мысль, что на самом деле они были и их закрасили или сбили вместе со старой штукатуркой во время ремонта, вопреки итальянскому закону, строго карающему подобные вещи? В Италии известны сотни случаев, когда, натолкнувшись, скажем, при строительстве, на древнеримские руины, их тайком уничтожают, чтобы, упаси бог, об этом не пронюхали власти и не запретили стройку, объявив участок археологической зоной...

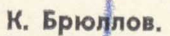
Мы ни с чем возвратились в Рим.

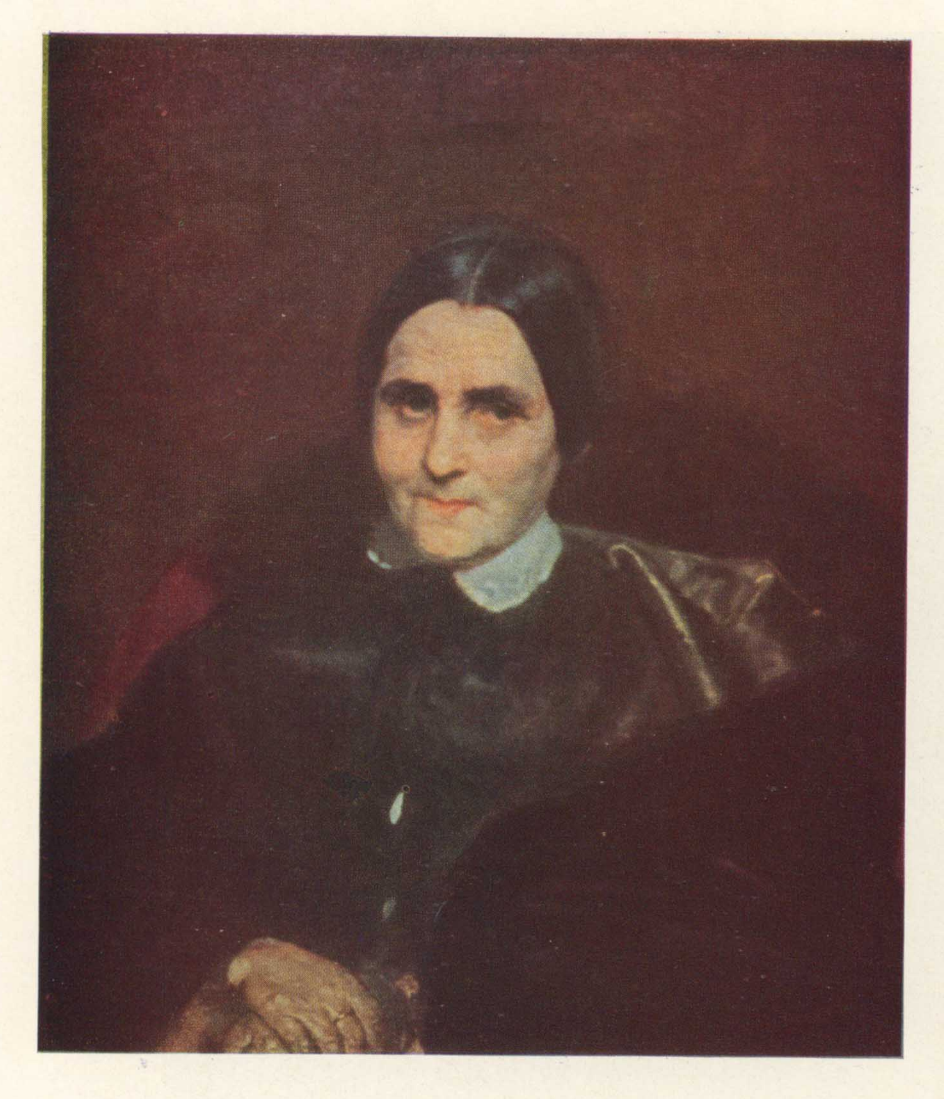
Начали другой поиск — росписей, выполненных Брюлловым в 1828 году для русской посольской церкви. В папском Риме до того, как в 1871 году он стал итальянской столицей, запрещалось возведение некатолических культовых сооружений. Поэтому члены русской дипломатической миссии, находившейся в 1828 году в палаццо Одескальки

К. Брюллов (!). 1799—1852. ПОРТРЕТ МОЛОДОГО АЛЕКСАНДРА ИВАНОВА.

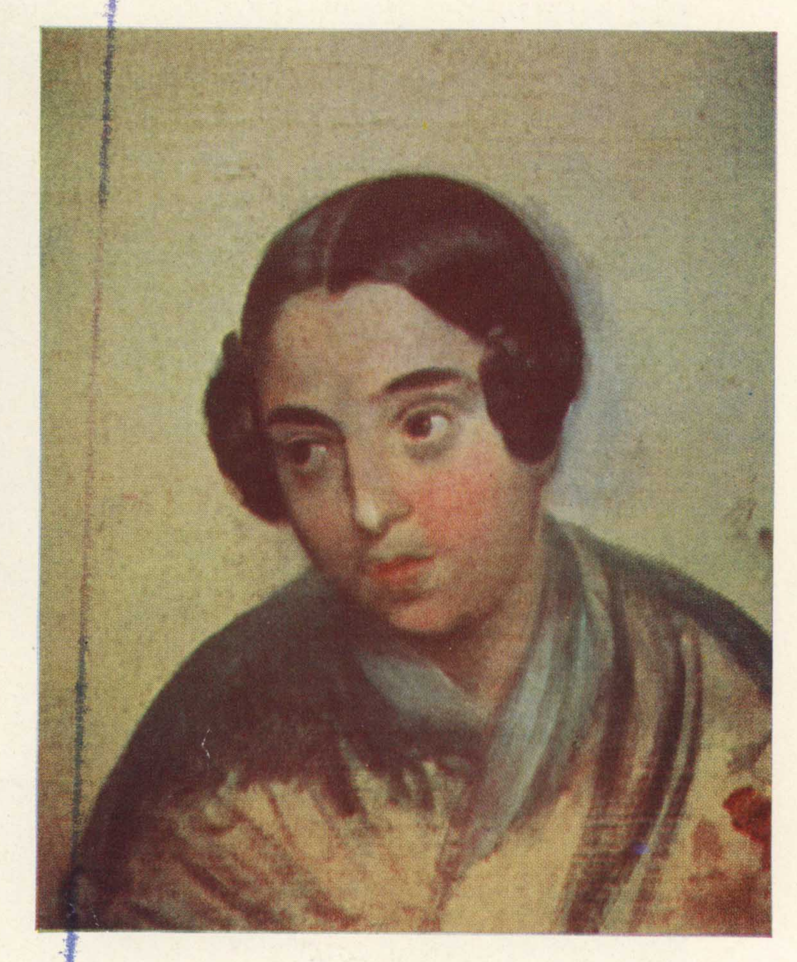
Рим. Собрание Титтони.

ПОРТРЕТ ЕКАТЕРИНЫ ТИТТОНИ. Между 1850 и 1852 годами.
Рим. Собрание Титтони.

ГОЛОВА ТРАСТЕВЕРИНКИ. Между 1850 и 1852 годами.
Рим. Собрание Титтони.

«ЦАРСКИЕ ВРАТА». Деталь. ЕВАНГЕЛИСТЫ МАРК И ЛУКА. 1828.
Рим. «Палаццо Чернышев».

на пьяцца Сантиссими Апостоли, должны были устроить домовую православную церковь. Брюллов написал для нее несколько образов. В письме в Общество поощрения художников от 27 сентября 1828 года он сообщал: «Теперь, как по случаю установления русской церкви в доме нашего посольства, все русские художники, находящиеся в Риме, взяли на себя согласие господина посланника пожертвовать для украшения оной своими трудами, мне досталось написать царские двери; в половине октября сия работа должна быть кончена».

Русским посланником в Риме вместо умершего в 1827 году Италинского в то время был князь Г. И. Гагарин, просвещенный человек, большой любитель литературы, театра и живописи. Его сын — Григорий Григорьевич, художник-любитель — был учеником Брюллова. Новый посланник покровительствовал русским художникам, стажировавшимся в Риме, живо интересовался их жизнью и трудами. Естественно, что у него появилась идея привлечь к украшению посольской церкви именно отечественных художников, а не какого-либо модного иностранца.

Впоследствии посольство часто перекочевывало из одного здания в другое, а вместе с ним и церковь. В 1845 году, когда Рим посетил царь Николай I, оно находилось близ Пантеона в палаццо Джустиниани. Богомольный русский император, бегом пробежавшись по залам Ватикана, переполненным шедеврами искусства, не преминул отслужить в русской церкви обедню и даже помогал пением местному псаломщику. Это, впрочем, не улучшило расположения его духа; царь остался недоволен дворцом, построенным знаменитыми Джованни Фонтана и Борромини, и, уезжая, потребовал от русского посланника, чтобы тот подыскал себе новую резиденцию.

Посольство опять переехало в новое помещение.

В конце концов следы этих работ Брюллова затерялись, и в каталогах появилась стереотипная фраза: «местонахождение неизвестно».

Обратились в палаццо Одескальки к его владельцам, князьям, чье имя носит огромный дворец. Нас принял любезный дворецкий, живо заинтересовавшийся розысками творений русского художника прошлого века. Он обещал просмотреть архивы палаццо и поговорить с хозяевами, но только после того, как мы обратимся с официальной письменной просьбой к князьям, подробно объяснив предмет наших поисков. Одескальки любят порядок...

Сочинили письмо. Недели через две раздался звонок дворецкого. Никаких документов, связанных с пребыванием в палаццо Одескальки русского посольства и работой художника Брюллова, он, к сожалению, в архивах палаццо не обнаружил. Князья, по его словам, внимательно осмотрели росписи в личных покоях: там тоже нет ничего похожего на то, что нас интересует.

В палаццо Джустиниани, где сейчас располагаются офисы итальянского сената, разыскания по нашей просьбе осуществил наш большой друг сенатор-коммунист. И снова никаких следов...

Знаменитые «царские врата» с образами, написанными великим русским художником и известными в литературе о Брюллове только по описаниям, поскольку они никогда не публиковались, нам удалось обнаружить в нынешней русской православной церкви в Риме, что устроена внутри палаццо Чернышев по виа Палестро, 71. Двустворчатые дверцы из резного позолоченного дерева разделяют пополам иконостас, выполненный по рисунку архитектора Константина Тона. Образа для него писали художники Гофман, Марков и Бруни. Эта довольно посредственная живопись в неоклассической манере лишь подчеркивает гениальность Брюллова, расписавшего шесть цинковых медальонов, вмонтированных во врата. Медальоны диаметром 35 сантиметров расположены симметрично по три в каждой створке. На двух верхних изображена сцена Благовещения: слева — архангел Гавриил, справа — Богоматерь, на остальных четырех медальонах — образы евангелистов.

В живописи Брюллова на религиозные темы нет и тени мистики, фанатизма, религиозного экстаза или аскетизма. Художник слишком сильно впитал в себя заветы великих мастеров Возрождения, для которых библейские сюжеты были только предлогом для изображения человеческих страданий и страстей. Он работал над «царскими вратами» одновременно с картиной «Последний день Помпеи». Это не могло не сказаться на живописной манере медальонов, они яркие и звонкие по колориту, очень «светские» по своему характеру. Нежен и хрупок образ потупившей взор Богоматери; против нее — легкий, воздушный, написанный в серебристых тонах Гавриил. Взор молодого, античной красоты Иоанна полон вдохновения и энергии. Мудростью веет от евангелистов — старцев Марка, Луки, Матфея. Перед нами живые люди, полные индивидуальности, одухотворенные глубокими чувствами и мыслями.

До нашего времени дошло не так много законченных произведений Брюллова на религиозные темы: многие из них помешала довести до конца болезнь художника, другие погибли, трети утеряны. Поэтому большой интерес представляет роспись «царских врат», позволяющая увидеть наименее изученную сторону его творчества, проследить эволюцию художественных критериев, сравнивая эти образа́ с грандиозными замыслами росписей для Исаакиевского собора.

Повезло нам и с еще одной работой великого русского живописца, о существовании которой мы даже не подозревали. Как-то, уже после опубликования в итальянской печати некоторых материалов о наших поисках, мы получили письмо из Каррары: неизвестный нам профессор Пьетро Микели-Пеллегрини сообщал, что является обладателем рисунка Брюллова и готов его показать.

Весной этого года нам представился случай поехать в Каррару и навестить профессора. Фамилия Пеллегрини не встречалась нам среди людей, общавшихся с русским художником. Из этого следовало, что у Пеллегрини было произведение Брюллова, перешедшее к нему от каких-то других владельцев. Каких? В Карраре художник как будто никогда не бывал.

Мраморную столицу Италии нам до этого не приходилось видеть. Задолго до прибытия поезда в Каррару по обеим сторонам железнодорожного пути поплыли площадки, на которых готовились к отправке в разные страны мира огромные блоки мрамора — белоснежно-белого, теплых желтых тонов, коричневатого с кроваво-красными прожилками. На зеленых склонах Апуанских Альп то и дело мелькали сверкающие, точно алмазы, карьеры — разработки мрамора. Когда-то Микеланджело собственноручно выбирал там белоснежные глыбы для своих творений.

Каррара оказалась небольшим, уютным и зеленым городком. Встреча с профессором была назначена на четыре часа дня, у нас было время, чтобы осмотреть город и его прославленную академию, основанную в 1769 году и готовящую ваятелей.

К назначенному сроку разыскали улицу Санта Мария, где в доме под номером 10 жил профессор. Свежевыкрашенное трехэтажное палаццо резко выделялось среди потемневших от времени соседних каменных строений. Палаццо украшала вывеска, на которой крупными буквами было выведено: «Проф. П. Микели-Пеллегрини. Ухо. Горло. Нос» и часы приема больных.

Медик, у которого хобби собирательство картин, решили мы.

Из открытого окна второго этажа нас внимательно разглядывал пожилой человек с редкими седыми волосами, зачесанными назад,— видимо, сам профессор. Мы представились. Он жестом пригласил в дом. Дверь открыла пожилая служанка, мы поднялись на второй этаж. Нас встретили 83-летний профессор и его жена, 78-летняя синьора Мария.

Профессор начал с возраста своего и жены, предупреждая, что он предпочитает беседовать с нами сидя. Прошли в заставленный книжными шкафами кабинет, где Пеллегрини удобно устроился в кресле и усадил нас. Его жена тут же вышла на кухню, чтобы приготовить кофе.

— Мужу нельзя — возраст,— сказала она.— А я выпью с вами чашечку. Обожаю этот напиток!

Через секунду она появилась снова, держа в руках карандашный рисунок, обрамленный в небольшую раму.

— Вот и Брюллов. Вот его автограф...

На обратной стороне рисунка, действительно, почерком Карла Брюллова было написано по-итальянски: «Портрет Паоло, сына покойного Агостино Трискорниа, исполненный в Москве в 1836 году художником Карлом Брюлловым в присутствии скульптора профессора Ивана Витали в доме князя Галицина по улице Лубянка». На рисунке был изображен молодой человек лет двадцати с характерной для того времени прической. Под портретом была снова подпись Брюллова и дата — 1836 год.

К. П. Брюллов. ПОРТРЕТ СКУЛЬПТОРА ИНЬЯЦИО ФУМАГАЛЛИ. 1834. Милан. Академия Брера.

В том году Брюллов по дороге из Италии в Петербург (добирался он морским путем, через Грецию и Турцию) надолго останавливался в Москве, где жители старой русской столицы устроили автору «Последнего дня Помпеи» необычайно теплый и радушный прием. В Москве Брюллов очень сдружился со скульптором И. Витали, написал позднее его портрет и всячески способствовал его выдвижению и получению заказов. В свою очередь, И. Витали создает яркий реалистический бюст художника, который повторен в надгробном памятнике Брюллову на римском кладбище в Тестаччо. Учителем Витали был петербургский мраморщик итальянского происхождения А. Трискорниа (в нашей стране он был известен как Трискорни). Его двадцатипятилетнего сына, родившегося уже в Петербурге и ставшего тоже скульптором, и изобразил в своем экспромте Карл Брюллов.

Профессор Пеллегрини, как выяснилось, был внуком Паоло Трискорниа, который прожил долгую жизнь и скончался в начале нашего века в Италии, возвратившись на склоне лет на родину. Пеллегрини гордится тем, что скульптуры его деда украшают Ленинград и Москву, которые он, увы, никогда не видел и, наверное, уже не увидит...

Появилась синьора Мария с кофе. Выпила свою чашечку стоя и опять исчезла. Пока профессор разжигал очередную сигарету (преклонный возраст отнюдь не мешает ему курить одну сигарету за другой), синьора появилась снова, держа в руках какой-то непонятный предмет.

— Русский аршин. Остался от деда.

Оказалось, в доме полно русских вещей: трубка, подаренная деду на какой-то юбилей его русскими друзьями, одно из первых изданий «Войны и мира» Л. Толстого на русском языке, план Петербурга издания 1871 года, миниатюры прадеда Пеллегрини Агостино Трискорниа и его русской жены. На обратной стороне миниатюр мы прочли по-русски: «Магазин Ф. Лоренц. В Большой морской в доме Жадомировской напротив дома оберполицмейстера»...

— Это только небольшая часть русских вещей, хранившихся в память о деде в нашем доме. Многое перешло к нашим детям, потом к внукам,— говорила синьора Мария, входя на этот раз в кабинет с подносом, на котором стояли рюмки с настойкой ее собственного приготовления.

Эта почти восьмидесятилетняя женщина в отличие от мужа обладала поразительной для ее возраста энергией.

— Результат получасовой утренней гимнастики, которой я занимаюсь без малого вот уже семьдесят лет,— ответила она на наш комплимент.

— Просто непоседа,— добродушно проворчал ее муж.

Мы долго говорили с этой симпатичной пожилой четой, осматривали их библиотеку, в которой наряду с антикварными русскими изданиями обнаружили экземпляры советского журнала «Искусство» за 1952 год со статьями о Карле Брюллове, свежие номера бюллетеня «СССР сегодня», издаваемого посольством СССР в Италии на итальянском языке, книги о нашей стране на итальянском и других языках. Внук Паоло Трискорниа и его жена, люди весьма прогрессивных взглядов, по семейной традиции знают, любят русскую культуру и с горячей симпатией относятся к Советскому Союзу.

Мы рассказали только о части работ Карла Брюллова, находящихся в Италии. Живописное наследие русского художника в этой стране намного богаче и требует дальнейших поисков и исследований.

УТРО В

М. БОЧИНИНА
Фото
А. МАРИНИНА

Семь часов утра. У пересечения Минского шоссе с Московской кольцевой автодорогой указательная стрелка: «Кемпинг «Можайский».

Сворачиваем и попадаем в своеобразный населенный пункт. Здесь есть улицы и переулки, только очень уж тихие, безлюдные, а вместо домов — всевозможных расцветок палатки, легкие коттеджи. И всюду автомобили. Каких только марок не встретишь! Крошечные легковушки и мощные лимузины, дачи-прицепы, комфортабельные автобусы. По номерам машин можно изучать географию. Вот наши, советские,— из Мурманска, Уфы, Краснодара, а это гости — из ГДР, Польши, США, Франции, Австралии. Разноцветные наклейки, маршрутные схемы на окнах машин утверждают: здесь, в «Можайском», собрались бывалые путешественники. Есть даже смельчаки, маршрут которых проходит через несколько континентов.

В дирекции кемпинга нам рассказывают, что число туристов, посещающих автолагерь у кольцевой дороги, растет из года в год. В 1975 году кемпинг принял 15 тысяч гостей, а в нынешнем их будет еще больше. Судите сами: только в июне — июле здесь останавливалось свыше трех тысяч человек.

Для отдыха в кемпинге все условия: удобные стоянки, комфортабельный ночлег, кухня, торговые киоски, бани. Планируется строительство бассейна. Не случайно многие туристы, особенно зарубежные, уже много лет подряд выбирают для остановки именно этот кемпинг.

...Палаточный автолагерь просыпается. Хлопают двери, полощутся на ветерке пóлы палаток, а кое-где уже и моторы ревут. Прошло каких-то полчаса, и тишина сменяется шумом предотъездной суеты. Потянулись к воротам первые машины. Гости покидают кемпинг. Одни—до вечера, другие — «до скорой встречи»...

Москва, кемпинг «Можайский».

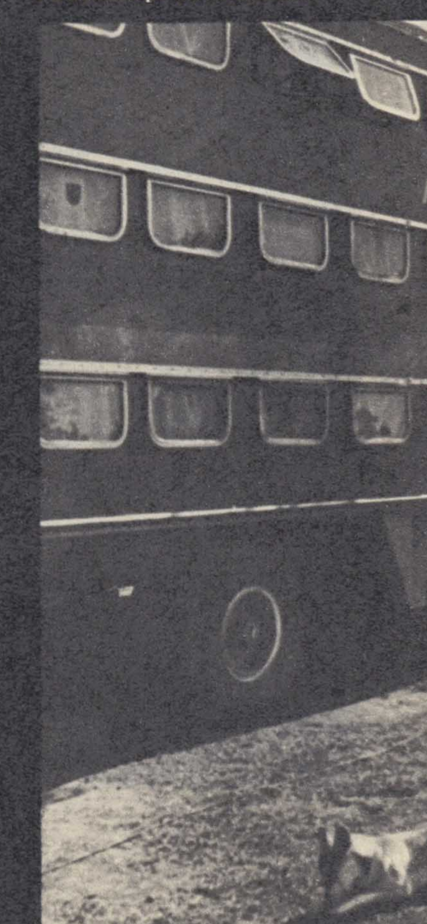
Русский сувенир.

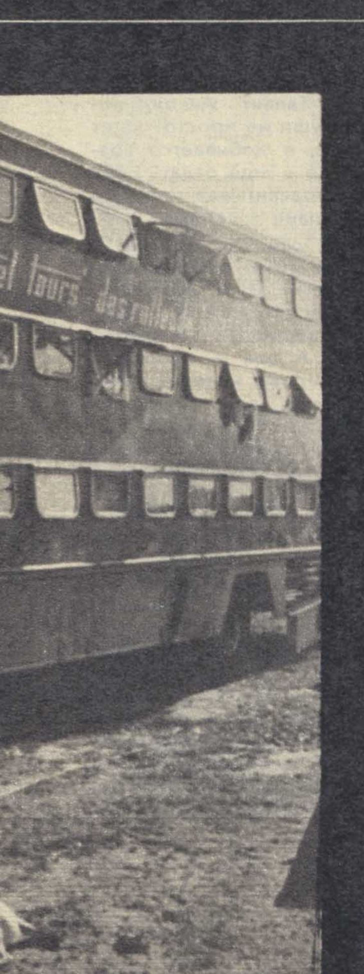
Кухня по-походному.

Гостиница на колесах.

АВТОЛАГЕРЕ

Блицтурнир.

Семейный завтрак.

Гостья из США.

СЕКРЕТЫ СОЛОМЕННОЙ КУКЛЫ

Н. ТОЛЧЕНОВА
Фото Дм. УХТОМСКОГО

Сделанные Катериной Константиновной Медянцевой соломенные игрушки мы сначала увидели не у нее в доме. Не в родной ее деревне Михайловке, что находится примерно в ста километрах от Пензы, а в областном музее народного творчества.

Сказать по правде, на первый-то взгляд, пожалуй, казались здесь не такими уж и заметными эти куклы; скромно стояли они среди множества ярких по замыслу и воплощению, интересных по материалу, самых разнообразных вещей. Великолепная резьба по дереву, картины, инкрустации, фигурки из птичьих перышек, свистульки из глины, цветы из стружек, шерсти, ниток, стекла — да разве назовешь все то, что оригинально придумали и мастерски осуществили пензенские художники, не профессионалы, а сегодняшние рабочие люди, умельцы.

Все привлекало и радовало взор на этой удивительной выставке особого человеческого богатства. Но почему-то снова и снова тянуло к небольшой витрине, где неброские поделки из соломы сдержанно отблескивали редчайшим естественным цветом то ли старинного червонного золота, то ли солнца. И чем дальше всматривались мы в облик простых, бесхитростных соломенных созданий, тем глубже западало в сердце их скрытое очарование. Может быть, то была именно их естественность и доверчивость, их доброта?.. Куклы подсказывали, безусловно, что создавшая их художница вложила в свою работу какой-то секрет; оставалось только раскрыть, в чем он, как его назвать. А для этого, конечно же, нужно было повидать саму Медянцеву.

— Бывает ли в Пензе Катерина Константиновна?— спросила я.

— Редко,— ответили мне.— Она ведь уже не молодая; сами к ней иногда ездим.

Поехали и мы.

Мы ехали наугад, не имея точного адреса. Встречные люди все махали нам вперед да вперед, пока не появился в деревне Любимовке другой, нужный нам сигнал: направо, за угол.

Едва мы свернули, как навстречу сразу же и вышла из палисадника Катерина Константиновна, улыбаясь и поправляя платок, надвинутый низко, чуть не на самые глаза... Невысокая, складная, она выглядела еще очень молодо; наверное, такой ее делал свежий румянец, светлый, живой взгляд, энергичные движения, находчивая речь.

— От пчел загородилась,— объяснила она весело, сдернув с себя и быстро отряхнув платок.— Возле ульев-то с опаской приходится...

— Хозяйку разве покусают?— неуверенно спросил кто-то из нас.

— Нет, поцелуют!— необидно рассмеялась в ответ Медянцева.

Беседа о пчелах и их нелюбезных порою обычаях закончилась тем, что хозяйка, одиноко жившая в своем доме, радушно предложила нам попробовать свежего меда, мы же в ответ запросили чаю. После чаепития приступили к «церемонии» фотографирования Медянцевой. Она, впрочем, не заставила себя уговаривать и не чинилась, только спросила простодушно, чем вызван интерес — многолетней ли учительской ее работой в Михайловке или созданным ею здесь же русским этнографическим хором. О куклах своих Катерина Константиновна не заговаривала. Молчала пока что о них и я, хотя сразу увидела несколько соломенных фигурок за стеклом в шкафу, тесно набитом журналами и книгами.

— Все нас интересует, все решительно,— сказала я Медянцевой.

Типичная русская крестьянка, с ясным, открытым загорелым лицом, большими, неухоженными, рабочими руками, она всей статью, всей повадкой была деревенским трудовым человеком. Видны были тут еще и мысль и мудрость. Жизневедение. Душевный опыт... Да и многое другое, что делает человека Учителем.

Видимо, Катерина Константиновна с присущей ей чуткостью тут же уловила мои не высказанные вслух вопросы, и как только закончились все хлопоты, как только мы остались вдвоем, она сама принялась рассказывать о себе с той благородной простотой и искренностью, какие составляют, я думаю, главную особенность этого поистине русского характера.

Да, она учительствовала в Михайловке, вела младшие классы. Родители — простые крестьяне. В 1905 году михайловские мужики бунтовали. Среди зачинщиков схватили и Константина Медянцева. Когда жандармы связали его и бросили в арестантскую телегу, мать с плачем протянула жандармам годовалую девочку: «Берите и ее! Все равно умрет с голоду!..» Соседки схватили ребенка, увели обезумевшую женщину в нищую пустую избу, дали воды, успокоили...

Редко мать жаловалась, еще реже плакала. Чаще пела... Грустные были эти песни. Но уже тогда Катюша заметила, что даже самая печальная мелодия, если ее исполняет хор, вдруг получает изнутри какую-то особую силу сопротивления. Грусть и печаль не превращаются, конечно, в веселье и радость, но возникает, преодолевая горе, надежда, чаяние перемен. То ли многоголосие дает песне это желанное качество, то ли сама по себе русская песня такова...

Хор, созданный Катей Медянцевой в Михайловке, сразу стал получать почетные грамоты, звания, призы... Особенно полюбились песни, которые сама Катерина складывала про женскую судьбу, про любовь, про милого сердцу человека, который сломал судьбу, не пощадил девичьего чувства...

Он такой уж ветреный
сердцем и душой,
Мне поклялся в верности,
сам ушел к другой.
Не буду, подруженьки,
о нем горевать,
Гордость свою женскую
буду сохранять...

Это — одно из многих песенных сочинений самой Медянцевой. У нее оказалось очень высокое сопрано; поет она негромко и, я бы сказала, первозданно; сложная мелодия, сохранившаяся, возможно, еще с лермонтовских времен, украшена бесконечными, чисто русскими распевными фиоритурами, которые, то отступая, то возвращаясь к самой сути горестного сюжета, еще больше драматизируют его, а в то же время словно смягчают горе, несут утешение. Позволяют верить, что жизнь есть жизнь: если она и не порадовала тебя, то по крайней мере не позволила броситься головой в омут.

— Я, видно, как и мама, выносливая: большую устойчивость имею ко всякой беде... Еще до войны мой ребенок умер. Распалась семья... Что об этом сказать, наверное, и слов таких нет... Но я тогда же еще и в педучилище заниматься начала. Сама хотела, чтоб потруднее было! Как подумаешь теперь-то: сколько же прожито, сколько пережито! И откуда сил хватало!

— Ну, а куклы?— не выдерживаю я.

Хотя уже догадываюсь, что все в этой судьбе — и куклы в том числе, разумеется,— идет в неразрывном единстве: возникает от некоего общего корня, от того монолитно-цельного чувства, которое есть главная суть народной жизни. Талант живой, нестареющей души не просто ищет выхода вовне, а добивается возможности еще и еще отдать себя людям, не пересчитывая того, что уже было отдано и сделано...

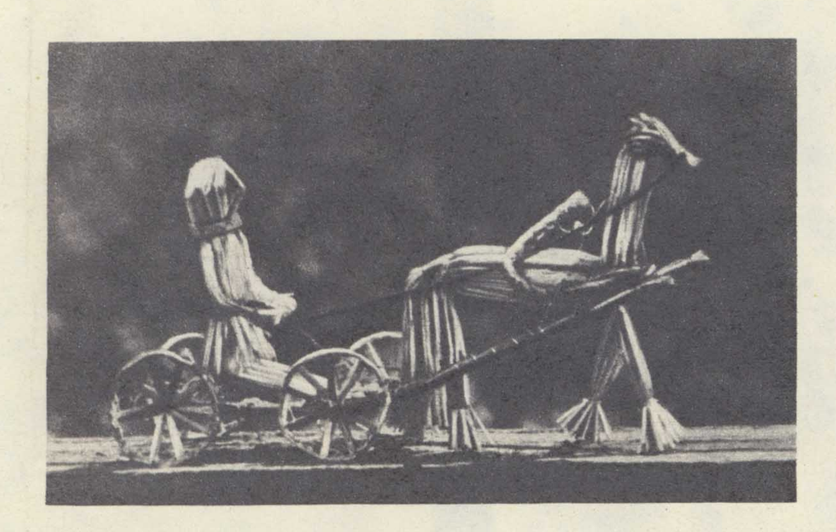
— Куклы я сама придумала! В 1966 году. До этого никогда вроде и в голове-то их не держала!.. Однажды в Пензе зашла в Дом народного творчества по делам хора своего. А там — забота: к выставке народных изделий готовятся, собирают все интересное где что есть. Я возьми да и скажи в шутку: мол, соломенных кукол наделать надо! С языка нечаянно сорвалось. У меня просят: «Ну хоть попробуй...» Пошла я домой, а в мыслях никак не отстану от кукол этих. Спать легла — не сплю, вспоминаю, как мама снопы вязала, соломенным пояском перевязывала, потом в копны ставила: издали-то, бывало, точно бабы в сарафанах стоят на ржаном поле,— любо поглядеть!.. Соломенные охапочки небольшие мать дома делала: воду с подоконника зимой собирать... Я ими играла. Кукол-то не было. На стол поставлю свою вязаночку стоймя,

мать ладошкой постучит по столу, мои игрушки двигаются, будто танцуют...

Думаю, надо попробовать: может, и выйдет!.. Первую-то куклу собрала с большим трудом: корявая получилась, но смешная, похожа на человечка! Послала в Пензу, там обрадовались. Дальше — больше, стала искать пропорции, добиваться гармонии... Да ведь и самую технику, самую структуру надо было осваивать: солома вовсе не такой уж легкий материал, много надо потрудиться, чтобы она тебя послушалась. Но зато к ней ничего и добавлять не надо. Она сама о себе все что надо скажет! Да и не только о себе, еще о земле, где родилась, о людях, которые хлеб с поля собрали... В памяти-то у соломенной игрушки, я думаю, много чего заложено! Было время, без соломы вовсе не могли люди жить. Крышу крыли, скотине на корм берегли, себе под голову иной раз охапку перетряхивали. Все она, солома-матушка, выручала. Пожалуй, внутри-то куклы соломенной куда больше, чем в деревянной матрешке, таится; только не вынешь, руками не потрогаешь. А угадать можно...

Мы прощаемся с Катериной Константиновной... «Жаль, поделки-то все свои раздала,— сокрушается она.— Только вчера приезжали: взяли все новое для ленинградского и московского Художественных фондов... А эти, что в шкафу, самые первые мои, тоже музею принадлежат».

Но и так не потускнеет память о соломенной кукле, хранящей верность золотому солнцу, хлебному полю, широким просторам русской земли, талантливым ее людям.

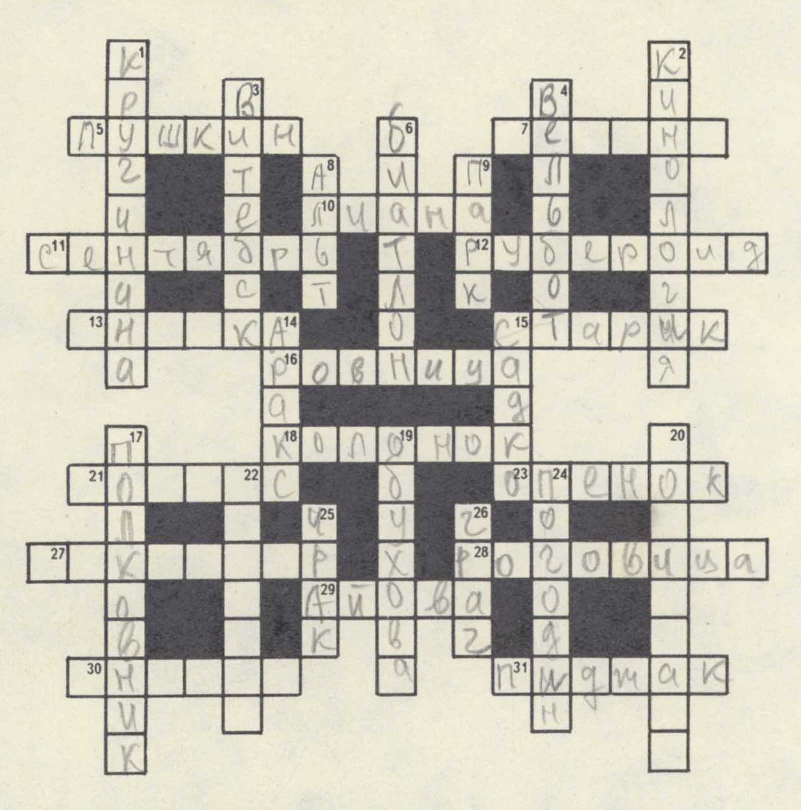

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Великий русский поэт. 7. Река в Псковской и Новгородской областях. 10. Вьющееся растение. 11. Месяц года. 12. Кровельный материал. 13. Гора в Судетах. 15. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 16. Полуфабрикат прядильного производства. 18. Пушной зверек. 21. Малая планета. 23. Гриб. 27. Прибор для измерения мощности электрического тока. 28. Наружная оболочка глаза. 29. Штат США. 30. Мелкий отшлифованный камень. 31. Мужская одежда.

По вертикали: 1. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Без вины виноватые». 2. Наука о собаках. 3. Областной центр в БССР. 4. Легкая быстроходная шлюпка. 6. Современное зимнее двоеборье. 8. Детский голос. 9. Большой декоративный сад. 14. Приток Куры. 15. Опера-былина Н. А. Римского-Корсакова. 17. Воинское звание. 19. Певица, народная артистка СССР. 20. Грузоподъемное устройство. 22. Ягода. 24. Советский драматург. 25. Государство в Азии. 26. Птица семейства вороновых.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

По горизонтали: 5. Кессон. 6. Вургун. 9. Палермо. 10. Извеков. 11. Лобан. 13. Чардаш. 15. Катунь. 16. Пантера. 19. Апофема. 22. «Талант». 23. Золото. 26. Майор. 27. Цесарка. 28. Кутузов, 29. Ноябрь. 30. Чулаки.

По вертикали: 1. Серенада. 2. Гоголь. 3. Бузина. 4. «Гугеноты». 7. Каунас. 8. Поляна. 12. Баттерфляй. 14. Шпагат. 15. «Кавказ». 17. Танкер. 18. Радиатор. 20. «Аленушка». 21. Статор. 24. Иматра. 25. Арктур.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Эти подшипники изготовлены на ГПЗ-2. Делают их и люди, которых вы видите на снимке: работницы одного из участков сборки подшипников для точного станкостроения. (См. в номере «Вертикали завода-патриарха».)
Фото А. Награльяна.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Уборка урожая.
Фото Ю. Куйдина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

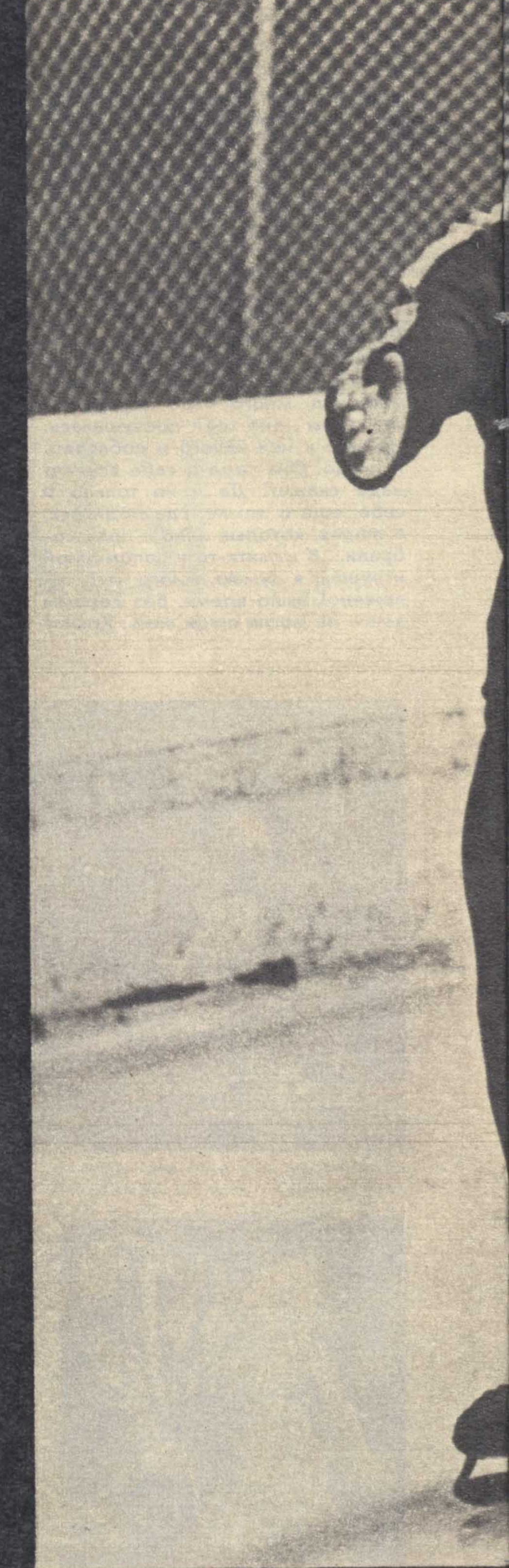
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 20/IX — 1976 г. А 00722. Подп. к печ. 5/X — 1976 г. Формат 70×108[1]/[8]. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11, 55. Изд. № 2352. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 2818.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

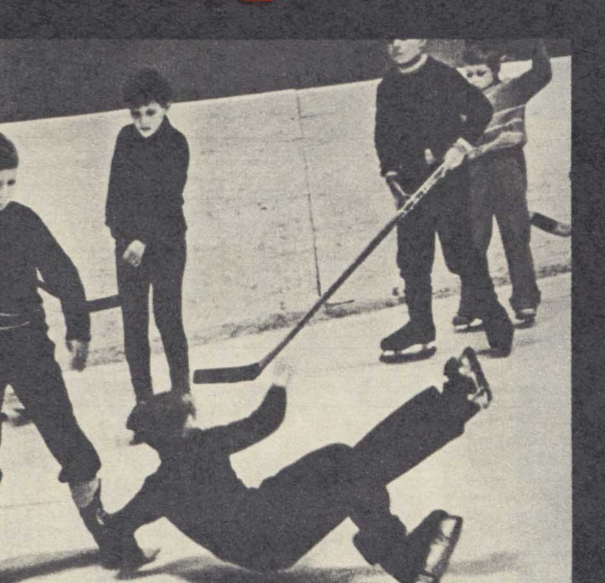

НАСТО

ЯЩИЕ МУЖЧИНЫ

Фото А. НИКОЛАЕВА

Вот уже, наверное, лет двадцать каждую осень появляется в газете «Советский спорт» объявление, которого с нетерпеливым трепетом ждут сотни московских мальчишек. Появилось такое объявление и в нынешнем году. Оно гласит:

«В спортивном Дворце ЦСКА 5 сентября с 10.00 до 12.30 состоится набор в Детскую хоккейную школу ЦСКА. Возраст 1966, 1967, 1968, 1969 гг. рождения.

Прием ведут чемпионы мира, Олимпийских игр К. Локтев, А. Фирсов, В. Кузькин, Ю. Моисеев, В. Петров, Б. Михайлов».

Представляете, что значат эти строки для юных рыцарей клюшки, чемпионов дворовых катков! Сам Локтев — лучший тренер, сам Фирсов — лучший форвард, те самые Михайлов и Петров, которые с Харламовым играют, принимают экзамены! А Харламова нет только потому, что он в больнице после травмы. И вот вынимают семилетние бомбардиры запылившиеся за лето хоккейные доспехи. Дождались они своего часа! Ну, а кто постарше, кто уже пытался поступать в хоккейную школу, клянется не давать больше маху. Они не только знают популярную песенку «В хоккей играют настоящие мужчины», но и сами умеют играть в хоккей. Искусство обводки, кистевой бросок — для них дело привычное. Они

умеют даже принимать шайбу на себя! И каждый из них убежден, что без него спортивному клубу ЦСКА придется плохо. Без смены не проживешь. Что бы делали сегодня Михайлов и Петров, если бы тринадцать лет тому назад не явился бы на такой экзамен Харламов!.. Одно плохо: желающих слишком много. Все рвутся предстать пред строгие очи Локтева, все хотят играть в хоккей под началом самого Рагулина. Да, у канадских профессионалов, наверное, легче выиграть, чем попасть в хоккейную школу ЦСКА! Но настоящие мужчины не останавливаются перед трудностями. Разве в той же песенке не поется о том, что трус не играет в хоккей!..

И вот какую картину увидел наш фотокорреспондент Анатолий Николаев, когда 5 сентября в 10.00 явился в спортивный дворец ЦСКА. На льду его встретили Михайлов и Петров 1990 года, а Анатолий Васильевич Фирсов указывал целой стае юных абитуриентов путь в хоккейное будущее. Путь этот действительно оказался нелегким. Даже внести свою фамилию в список претендентов не так-то просто: хоккейный бортик почему-то оказался очень высоким, а лед значительно более скользким, чем на дворовых аренах. А какие волнующие сцены разыгрывались за хоккейным бортом! Хороши были мамы и бабушки с клюшками в руках, а строгие экзаменаторы Борис Михайлов, Геннадий Цыганков и Владимир Петров следили за событиями на льду с чувством глубочайшей ответственности. Увы, на этом льду далеко не для всех выступление оказалось успешным. И вот неудачник плачет... Но ничего, мы верим в то, что будущей осенью маленький неудачник докажет свое право играть в составе знаменитого хоккейного клуба.

В. ВИКТОРОВ

«Как только в нашем дворе появилась хоккейная коробка, я начал играть со старшими ребятами. Они охотно брали меня в свои команды, потому что я катался лучше других маленьких мальчишек. В ЦСКА я попал во многом благодаря именно этим ребятам. От них я узнал о том, что там периодически происходит запись желающих играть в хоккей и каждый год ведется набор в детскую школу. Набор в то время был не такой большой, как сейчас. Мы прокатили полтора круга, и из всей нашей компании оставили меня одного».

Так вспоминает Валерий Харламов свое хоккейное детство. Записки Валерия Харламова начинают печататься в журнале «Огонек» начиная с номера 42.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663